

РОМАН РАССВЕТОВ
Их жизнь. В краю голубых озёр

Книги первая и вторая

Роман Рассветов

**Их жизнь. В краю голубых
озёр. Книги первая и вторая**

«Издательские решения»

Рассветов Р.

Их жизнь. В краю голубых озёр. Книги первая и вторая /
Р. Рассветов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934707-7

«Автор мастерски вводит диалоги, описания окружающей действительности, портретные характеристики, — видишь и представляешь прочитанное, невольно сопереживаешь героям. Самое главное достоинство произведения в том, что история смотрит на нас не сухими цифрами и учебными сводками, а глазами живых свидетелей происходящего, мы ощущаем соприкосновение с судьбами живших когда-то людей, простых, рядовых тружеников, таких же, как миллионы жителей нашей страны». Валентина Баскакова

ISBN 978-5-44-934707-7

© Рассветов Р.
© Издательские решения

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ	6
ЧАСТЬ 1	6
ЧАСТЬ 2	20
ЧАСТЬ 3	26
ЧАСТЬ 4	32
ЧАСТЬ 5	37
ЧАСТЬ 6	41
ЧАСТЬ 7	42
ЧАСТЬ 8	46
ЧАСТЬ 9	51
ЧАСТЬ 10	55
ЧАСТЬ 11	59
ЧАСТЬ 12	63
ЧАСТЬ 13	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Их жизнь. В краю голубых озёр

Книги первая и вторая

Роман Рассветов

© Роман Рассветов, 2018

ISBN 978-5-4493-4707-7 (т. 1)

ISBN 978-5-4493-4708-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ 1

Серое небо низко висело над головой. Промозглый южный ветер покачивал голые ветви берёз, изредка попадавших по дороге. Грязный по-весеннему снег осел и слежался, человеческая нога в него почти не проваливалась.

По узкой просёлочной дороге понуро брела отощавшая за зиму лошадёнка, впряжённая в ветхие сани, уже давным-давно отслужившие свой век. На охапке сена сидел бородатый пожилой мужчина в драном полушубке, подпоясанном куском верёвки. Позади него устроилась молодая женщина в солдатской шинели и шапке-ушанке, рядом лежал тощий солдатский вещмешок.

– Да, соседка, – нарушил затянувшееся молчание мужчина, – крепко тебе повезло, что на меня наткнулась, топала бы ты сейчас эти пятнадцать километров пешком... Какой сейчас транспорт? А никакого, когда-никогда мужичок, вроде меня, на лошадке по своим делам проедет, и опять пустота... То ли дело было, когда немца гнали, наши на запад шли... Мать чесна! Машины, танки, видимо-невидимо... А потом прошли, и тихо стало, как вымерло всё вокруг... Ты, может, там, в окопах, выучилась, козью ножку крутить, а? Закуришь?

Нет, спасибо, – улыбнулась ему женщина. – Не выучилась, не курю.

Ну ладно, тогда я один закурю. Он вытащил кيسет, вышитый какими-то замысловатыми цветочками, кусок газеты, оторвал от неё, всыпал туда щепоть табаку, скрутил, посплюнвил край газеты, склеил козью ножку, всунул в рот, потом с надеждой посмотрел на свою попутчицу:

– А, может, у тебя спички есть, а? Не охота, понимаешь, с кремнем возиться...

– Да, да, – очнулась от своих дум женщина, – есть несколько коробков, один я вам дам, – она развязала вещмешок, порылась в нём, вытащила коробок и подала ему.

– Вот спасибо, вот спасибо, милая, – несказанно обрадовался мужик. – Это ведь, по нынешним временам, цельное богатство! – Он прикурил, с наслаждением затянулся, так, что у него в груди даже заскрипело.

– Как войну пережили, дядя Август? – Спросила она.

– Да не знаю даже, как и ответить тебе, дочка, – нахмурился он. – Старуха моя жива, правда на ноги слабая стала, так колени ей другой раз ломит, что ратунку кричит... Старшего моего немцы расстреляли, он в партизанах был. Ушёл, однажды в разведку, выдала какая-то шкура, сцапали его... и расстреляли, – он закашлялся, проглотил комок в горле. – Янка недавно письмо прислал, из госпиталя, пишет, что ранен в ногу, но уже всё хорошо, поправляется. А так, что ж, можно сказать, что ещё повезло, хату нашу не спалили, зерно схоронили, да и картошка в яме осталась цела, теперь жить будем, не пропадём, лишь бы год урожайный был, коровёнка есть, да и не безлошадный, – показал он на лошадь.

Стал накрапывать мелкий дождик. Поскрипывали полозья на снегу. У женщины затекли поджатые под себя ноги и она свесила их с саней, накрыла ноги полами шинели.

– А ты, значит, в тягости? – Опять нарушил молчание Август. – Замуж там вышла?... Или, может, офицерик какой побаловался? – Бросил он наметанный глаз на её округлившийся живот.

– Замуж вышла, дядя Август. Муж ещё воюет, а мне, вот, пришлось домой добираться.

– А что ж, и правильно, – одобрительно мотнул головой Август. – Немца вот-вот прикончат, мужики домой возвратятся... Для семьи дети – первое дело... Как же без них, без детей? –

Он ещё что-то там говорил, но она уже не слышала его, незаметно наплывшая дремота погрузила женщину в сон.

– А откуда он, мужик-то твой? – Спросил Август и, не дождавшись ответа, повернул к ней голову. – Ишь ты, бедолага, умаялась, поди... Нелегко по нынешним временам домой-то попасть, – пробормотал он себе под нос.

Лошадёнка всё так же размеренно переставляла ноги, поскрипывали полозья, накрапывал дождик. Женщина, привыкшая за четыре года фронтовой жизни спать в любом положении и при первой возможности, незаметно привалилась плечом к спине Августа и тихо посапывала.

– Эй, Мария, проснись же! – Затряс её плечо Август. – Приехали! – Мария подняла голову, взглянула на него осоловелыми со сна глазами, смущённо покраснела:

– Надо же, заснула! – Сконфуженно пробормотала она.

– Ну вот, бери свой мешок, а я дальше поеду, – протянул ей вещмешок Август.

– Спасибо вам, дядя Август, большое!

– Да ладно, чего там, – махнул он рукой. – Соседи должны помогать друг другу. Будь здорова! – Нно, пошла! – Вжикнул он вожжой по крупу лошади.

– До свидания! – Крикнула ему в спину Мария.

Она стояла на дороге, осматривалась вокруг. Справа от неё, метрах в трёхстах, могучей и сумрачной стеной вздымался в небо еловый лес. Даже здесь, на таком расстоянии, слышался мощный глухой шум от гулявшего среди ветвей ветра. В стороне от леса виднелся небольшой домик, взглянув на который, дрогнуло сердце и зачастило, забилось взволнованно. Нет на Земле человека, который, пройдя пекло войны, не дрогнет, не заволнуется, увидев родную хату, в которой родился, вокруг которой делал первые шаги, вокруг которой сбивал о камни пальцы босых ног! «Быстрее, быстрее!» – Она торопливо месила сапогами раскисший серый снег, задыхалась от нетерпения, и, вдруг, остановилась, взялась руками за выступающий вперёд живот: дитя под сердцем ощутимо шевельнулось внутри: "Тише, мама, не торопись, не забывай обо мне!" – Она немного постояла, успокаивая дыхание, и пошла вперёд.

Постепенно её шаги становились всё медленнее и медленнее, наконец она совсем остановилась, не веря собственным глазам: это был явно другой дом, не тот, что она помнила. Кое-где в стенах виднелись обгорелые брёвна, нижние венцы вытесаны из ещё не успевших высохнуть, свежих брёвен, крыша покрыта ещё жёлтой прошлогодней соломой. «Господи, а, вдруг, их здесь нет? Может, здесь совсем другие люди поселились?» – Мелькнула тревожная мысль. Она, почти бегом, проскочила мимо залившейся неистовым лаем собаки, небольшого, лохматой, привязанной на короткую цепь возле сарая для сена, и распахнула входную дверь. В сенях, после уличного света, было совсем темно. Мария на ощупь нашла ручку и потянула на себя.

– Кто там? – Послышался встревоженный голос. «Это я, мама!» – Хотелось ей крикнуть, но голос, вдруг, пропал. Она так и замерла у дверей, бессильно опираясь плечом на массивную дверную коробку.

Пожилая женщина из-за большущей русской печки сделала несколько шагов и тоже замерла, широко раскрыв глаза, не веря себе.

– Езус Мария, неужели это ты? – Прошептала она пересохшими губами.

– Мама! – Почти с рыданием вырвалось у Марии, и, спотыкаясь, не чувствуя под собой ног, она сделала несколько шагов и уткнулась головой в материнскую грудь, почти повиснув на матери.

– Доченька, доченька моя, жива, Езус Мария, жива, – шептала мать и всё гладила, гладила по спине дочь, до конца всё ещё не веря в то, что, вот она, рядом, жива, невредима.

– Да что же мы стоим-то? – Очнулась она. – Раздевайся, садись. У меня, вот, и супчик как-раз сварен, правда без соли... ну ничего...

Мария сняла и повесила шинель и шапку-ушанку на вбитые в стену квадратные в сечении гвозди, прошла к столу, сколоченному из грубо остроганных досок, села на такую же самодельную табуретку. Она жадно, во все глаза, смотрела на хлопотавшую у печи мать, вытаскивающую чугунок с супом и наливающую его в глиняную миску, потом, вдруг, вскочила, взяла вещмешок и вернулась к столу.

– Ой, мама, я же гостинцы привезла! – Мария развязала вещмешок и вытащила оттуда две металлические банки американской тушёнки, буханку хлеба, завёрнутые в бумагу 6 кусков хозяйственного мыла, дюжину коробков спичек, солдатскую флягу спирта и большой, красивый, весь в цветах и с кистями платок.

– Это тебе, мама, – протянула она ей платок.

– Ой, спасибо, доченька! Езус Мария! Какой подарок! Сроду такого не получала! – Мать накинула платок на плечи, повертелась перед тусклым, с отбитым углом зеркалом, даже помолодела и похорошела от счастья.

– А это папе, – вытащила Мария красивую, сверкающую никелем, зажигалку. – А где он, мама?

У матери моментально постарело лицо и опустились руки, и сама она всем телом осела на длинную лавку, покатались из глаз слёзы, оставляя мокрые следы на щеках.

– Нет у нас больше папы, доченька, – глухо сказала она. – Не дожил он до встречи с тобой, надорвался он,.. схоронила я его...

Мария обняла её за плечи и, не в силах сдержать слёз, зарыдала: – Как это случилось, мама? – Спросила она, когда они немного успокоились.

– Хату нашу немцы при отступлении подожгли, но, слава Богу, хлынул ливень, как из ведра, и затушил пожар, только крыша и верхняя часть брёвен обгорели. Янис стены разобрал, нижние венцы уже гнилые были, так он сам, один, рубил ёлки в лесу и на себе таскал домой, где у нас коня теперь достанешь, вот и надорвался... Хату он кое-как закончил, приходили соседи, помогали, крышу уже без него накрыли, слёг он, 28 января умер... Поминки устроила... Пришлось с соседями за работу расплачиваться... Осталась теперь у нас только корова, мешок ржи и 3 мешка картошки... Как жить будем, не знаю, доченька, – поникшим голосом закончила мать.

– Ничего, мама, как-нибудь проживём, люди кругом, не дадут умереть, самое главное, что война ушла, скоро немца добьём, будем жить, надо жить!

– Расскажи о себе, доченька, – попросила мать.

– Что рассказать, мама, в двух словах не расскажешь... На фронте я четыре года отбыла, раненых с поля боя выносила, в госпитале работала... Летом 44 года замуж вышла, теперь, вот, ребёночка жду.

– А муж твой, он кто? Латыш?

– Нет, мама, русский он, из Ленинграда, разведчик в нашем полку.

– А где он сейчас?

– Ушёл дальше, на запад, а меня, вот, домой отправили, – взглянула Мария на свой живот.

– Ничего, доченька, – обняла Марию за плечи мать. – Наше, бабье, дело такое, детей рожать, я, вот, вас шестерых, родила, и ничего, вырастила, и тоже время тяжёлое было.

– А где сёстры, братья, мама?

– Янина и Анна в Риге живут, недавно письма от них были, а, вот, об Айваре, Донате и Язепе ничего не знаю, никакой весточки, живы ли, или косточки от них только остались, – опять покатались слёзы по материнским щекам.

– Не плачь, мама, может, даст Бог, и живы, зачем же, заранее плакать?

– Ой, доченька, я так тебя совсем с голоду уморю! – Спихватилась мать, – пододвигая поближе к дочери миску с супом и деревянную ложку. – Ешь, я сейчас хлеба отрежу.

Мария поднесла ложку ко рту, подула на всякий случай, глотнула жиденский суп и, невольно, сморщилась, уж слишком непривычен был вкус супа без соли.

– Соли нет, доченька, – заметила её гримасу мать, ты, уж, прости...

– Ничего, мама, я привыкну... Эх, жаль, и как я об этом не подумала? Я, ж, могла взять соли сколько хочешь. – Мария стойко скушала всю миску супа, заставив себя больше не морщиться.

В просвете облаков показался краешек солнца, покрасовался слегка и опять запрягся. Дождик кончился, но в воздухе висела мельчайшая водяная пыль, ветер, запутавшийся в густых ветках елей, так и не смог пробраться во двор дома. Мария постояла несколько минут, вслушиваясь в неумолчный шум леса, медленно подошла к хлеву, открыла дверь. В лицо ей ударил густой запах навоза и молока, корова повернула к ней голову, скосила большой тёмный глаз, продолжая по-прежнему лениво пережёвывать сено. На земле скопилось чересчур много навоза, и был он слишком влажным, бока у коровы грязные, сопревшая шерсть висела клочьями.

Мария сходила в сарай, принесла охапку соломы, разбросала её. «Мало этого, -подумала, принесла ещё охапку, – ну, вот, теперь ей сухо будет лежать.»

У стены хлева – небольшая кучка хвороста и куски порубленного топором сухостойного орешника

«Эх, папа, как рано ты от нас ушёл, – грустно подумала Мария, вспомнив, как много всегда отец заготавливал на зиму дров. Высокие поленицы сухих дров всегда доверху закрывали торцевые стены хлева и сарая, сеней дома. – Надорвался, не мог он позволить, чтобы семья осталась к зиме без крыши над головой, спешил... и надорвался, слишком многое надо было сделать, успеть к зиме...»

Ей вспомнилась его невысокая плотная фигура, вислые рыжеватые усы, очень добрые голубые глаза, натруженные руки с вспухшими венами... Всю жизнь, сколько она помнила, он был в работе, не знал ни минуты покоя, даже во сне он озабоченно хмурил лоб, шевелил пальцами, а, просыпаясь, всегда рассказывал свои сны, в которых он, то косил траву на лугу, то пахал землю, то колот дрова...

Долгими зимними вечерами, при свете керосиновой лампы, отец старательно ремонтировал обувь, подбивал подметки, ставил лапины на продырявившиеся носы ботинок, подшивал валенки, потом устало разгибал спину, брал кого-нибудь из детишек на колени, остальные сбивались рядышком и затаивали дыхание... Отец начинал сказку... Он их знал много, и всё это были волшебные сказки, кого там только ни было: и короли, и цари, и принцессы, и злые колдуньи, и добрые феи, и черти, и мертвецы со сверкающими глазами, и страшные, громадные драконы с большими крыльями и огнедышащими головами. Отец уставал рассказывать, замолкал, и тогда дети принимались так его упрашивать, ласкать, целовать, что он сдавался и рассказывал ещё одну.

– Янис, – кричала мать, – ты, лучше, каким делом занялся бы, чем детям головы дурить этими сказками, они потом во сне вскрикивают, тёмных углов боятся, везде им черти мерещатся.

– Нет, мама, мы не боимся, – бросались на защиту папы дети. – Пусть он рассказывает, он так красиво рассказывает сказки!

– Езус Мария! – Хлопала себя руками по бокам мать. – И что за наказание эти дети, одни сказки у них на уме! Лучше бы по хозяйству помогли, да где там!

– Не сердись, мать, – прятал в усы улыбку отец. – Ещё наработаюся наши дети, так наработаюся, что свет белый не мил станет. Пусть, хоть сейчас, пока маленькие, отдохнут, наберутся сил...

Мария вздохнула, вытерла наполнившиеся слезами глаза, взяла кусок верёвки, при помощи которой заносили дрова в дом, и пошла в лес. На опушке, вокруг деревьев, снег подтаял, обнажил землю с засохшей травой, а дальше, в глубине леса, лежал нетронутый, девственно-белый, кое-где виднелся узор птичьих и звериных следов. Мария наломала податливый сухостой, сносила всё в одну кучу и скрутила верёвкой, с усилием взвалив на спину увесистую поклажу, она неторопливо, боясь делать резкие движения, особенно поскользнуться, пошла домой.

– Езус Мария! Ты с ума сошла! – Ужаснулась мать, вышедшая во двор, собираясь подоить корову. – Ты же в тягостях, нельзя тебе тяжёлое таскать! Сбросишь дитё ведь, непутёвая!

– Да я немножко... дров принесла, – стала оправдываться Мария.

– И не вздумай больше, я ещё не старая, принесу чай, ноги не отвалятся. А ты иди домой, отдыхай! Ишь, не успела обвыкнуться, а уже к работе рвётся! – Ворчала себе под нос мать, идя с подойником в хлев.

Незаметно ступились сумерки.

Мать с дочерью похлебали суп, погрызли сухари, запивая их кипятком.

– Пойдём спать, доченька, – зевнула мама, привыкшая с темнотой ложиться, – всё равно керосина нет, лампу не зажжёшь. – Она закрыла дверь на два толстых кузнечных крючка, кряхтя, полезла на печь. Мария легла рядышком, обняла маму за шею, прижалась к ней. Кирпичи ещё хранили тепло, женщины быстро согрелись и уснули...

Потекли дни, заполненные тяжёлой работой и нуждой. Жили они впроголодь и у Марии всё время сосало под ложечкой от голода, часто слабели ноги и кружилась голова. Однажды утром она не выдержала и сказала маме:

– Не могу больше есть без соли, мама, и за ребёнка страшно, вдруг какой урод родится... Где можно соли достать?

– Самое ближнее – у соседей, да они так просто не дадут, или сорвут много денег, или отрабатывать заставят.

– Это у каких соседей? У дяди Августа?

– Нет, что ты, доченька, ему самому тяжело, для семьи не хватает, это у Паулиней, что за лесом живут, у них всего вдоволь, и откуда только они умудряются всё доставать, ума не приложу!

– А больше нигде нет?

– Ещё в магазине можно купить, в Асуне. Там, правда, не всегда бывает, но завозят, да люди быстро раскупают, страдали под немцем без соли, пухли даже...

– Так, может, в магазин сходить? – Спросила Мария.

– Что ты, что ты, – замахала на неё руками мама. – А если не будет соли? Ведь 14 километров в один конец, ты с ума сошла!

– Тогда пойду к Паулиням! – Решительно поднялась Мария. – Я не могу ребёнком рисковать! Деньги есть пока...

Она надела шинель, шапку-ушанку, взяла мешочек для соли и пошла по тропинке, проложенной людьми через лес.

Ночью выпал обильный снег, а под утро неожиданно поджал морозик. Снег скрипел под ногами, слепил глаза бесчисленными крохотными алмазиками под лучами поднявшегося высоко солнца. Чистое, без единого облачка, серо-голубое небо над головой, сказочно-красивые деревья впереди, все в белоснежном пышном уборе, застыли в сонной неподвижности, ни одна веточка не шелохнётся, воздух сух и неподвижен. Мария оглянулась назад. Из трубы, над белой от снега крышей, ровным вертикальным столбом поднимался розовато-серый дым,

постепенно растворяясь и сливаясь с небом. Она улыбнулась всей этой ослепительной красоте вокруг, глубоко вдохнула свежий морозный воздух и зашагала по тропинке в лес. Впереди виднелись следы довольно крупных лап, может собаки, а, может, и волка...

Она поёжилась от чувства тревоги, захолонувшей грудь, пошла быстрее. До хутора Паулиней было приблизительно километра четыре.

«Наша бедная Латгалия, – грустно усмехнулась Мария, – от хутора до хутора, самое малое, два-три километра... если что случится, не дай Бог, пожар, или ещё что, пока соседи прибегут на помощь, уже и помогать ни к чему...»

Тропинка вывела её прямо к хутору, стоявшему на большой поляне. Лес огромной подковой окружал хутор с трёх сторон, защищая его от ветров и метелей, с четвёртой стороны ёжились от морозов набравшие силу молодые яблони, дальше спала под мягким белым одеялом, ожидая своего часа, пашня. Две большие собаки, ещё издали почуяв чужого человека, подняли оглушительный лай, бегая на цепи вдоль протянутой по двору проволоке.

Мария остановилась на безопасном расстоянии, ожидая хозяев. Наконец дверь распахнулась и на крыльцо вышел хозяин в наброшенном на плечи добротном полушубке и серой заячьей шапке. На левой ноге у него серел валенок, вместо правого торчал деревянный протез.

– Добрый день! – поздоровалась Мария.

– Добрый день! – откликнулся хозяин. – Ты чья ж будешь? Вроде лицо знакомое, но не узнаю...

– Мария я, Басулис.

– Ох, Господи, соседка! Похорошела... трудно узнать... да ещё в солдатском... Цыц! – Рывкнул он на собак и пристукнул деревяшкой по крыльцу. Собаки мигом поджали хвосты и исчезли в будках.

– Свирепые псы у вас, дядя Алфред...

– Такие и нужны, лес кругом, мало ли что, волки иногда заглядывают, ружьишко держу на стене заряженное... да что же это я тебя на морозе-то держу? – Спохватился Паулинь. – Проходи в дом, согреешься, чайку попьёшь, я, как раз, сахарком разжился, – скромно похвалился он.

Мария прошла за хозяином в дом, расстегнула шинель, сняла шапку, провела рукой по волосам, проверяя, не растрепались ли. В доме было очень тепло. Из спальни выглянула хозяйка, коренастая женщина высокого роста, с русыми волосами, стянутыми на затылке, и рябоватым, невзрачным лицом.

– Здравствуйте, тётя Юзефа! – Сказала Мария.

– Здравствуйте, – отозвалась хозяйка, на её лице отразилось мучительное желание припомнить, кто эта, явно знакомая на вид, женщина.

– Не узнала? – Усмехнулся хозяин. – Мария это, Басулис, соседка наша.

– Вернулась, значит, жива! Вот радость-то матери! – сказала хозяйка, оглядывая острым взглядом Марию с головы до ног. – Да ты, никак, ребёнка ждёшь? – Не удержалась, спросила она, не в силах сдержать любопытства.

– Да, – просто ответила Мария.

– Замуж вышла?

– Да, муж ещё на фронте...

– Ох, это бабье любопытство! – Пробурчал хозяин. – Ты бы её лучше чаем напоила.

– Да, да, – спохватилась Юзефа. – Раздевайся, проходи к столу, я, тут, как раз, блинчики испекла, и сметанка у нас есть...

– Да я уже позавтракала, – нерешительно проговорила Мария, проглотив голодную слюну, заполнившую рот при словах о блинчиках и сметане.

– Ну и что ж, и ничего, пару блинчиков можно и на сытый желудок съесть.– Хозяйка вытащила из печи накрытую крышкой сковородку, поддела вилкой пару блинов и залила их сверху сметаной, положила рядом вилку.

– Ешь, ешь, не стесняйся, мы попозже будем, когда сыны вернутся, привыкли вместе кушать, – гостеприимно пробасил Алфред.

«А, была-ни была!» – Мария взяла вилку и, изо всех сил стараясь не торопиться, скушала блины, вытерла рот, положила вилку. – Спасибо!

– Ну, вот, и чайку, согрейся, по морозу, ведь, шла! – Хозяйка налила чай в керамическую кружку, положила рядом два кусочка сахару.

– Чаю с удовольствием выпью, – благодарно улыбнулась Мария. Она пила обжигающе горячий напиток, настоянный на стеблях малины, прикусывала сахар, дула в кружку, грела озябшие руки.

– Может, ещё кружечку? – Спросила Юзефа, когда Мария допила чай.

– Нет, спасибо большое! – Отказалась Мария. – Я, ведь, к вам по делу пришла...

– Без дела, дочка, по морозу четыре километра не ходят, не то время, – рассудительно сказал хозяин.

– Я у вас, дядя Алфред, хочу соли попросить, – начала Мария. – Уже неделю без соли живём...

– Соседям надо помогать, – ответил хозяин. – Есть у нас соль,.. немного,.. на жизнь хватает, правда,.. да только по нынешним-то временам, соль – это большая ценность, сама знаешь.

– Знаю, – опустила глаза Мария. – «Цену себе набивает, – подумала Мария, чувствуя, как сердце сжимает от подымающейся злости. – Спокойно, только не вспылить, иначе без соли придётся уйти.» – У меня деньги есть, я заплачу.

– Да зачем мне деньги? Что на них купишь? Разве что кукиш с маслом...

– Выручите, дядя Алфред, ребёнок во мне, нельзя мне без соли кушать, – просительно сказала Мария, сдерживая себя.

– Дам я, соседка, соли тебе, только с одним условием: летом придёшь пару деньков поработать, сможешь хозяйке грядки полоть, она – одна баба в доме, а мужиков – пятеро: я, да четыре сына...

– Хорошо, я согласна, – кивнула головой Мария.

– Смотри, не обмани! – предупредил хозяин.

– Нельзя обманывать, жизнь долгая, только себе хуже сделаешь, – ответила Мария.

– Ладно, давай торбу, – протянул руку хозяин и ушёл в дальнюю комнату. «Запасы по близости не держит, осторожный, – отметила про себя Мария.– Что ж, и правильно!» Вскоре хозяин вернулся назад, постукивая деревяшкой, и протянул мешочек с солью.

«Больше килограмма, – подумала Мария, – чувствуя благодарность. – Мир не без добрых людей.»

– Спасибо большое, дядя Алфред, – признательно взглянула она ему в глаза.

– Да ладно,.. так мы договорились? – Отвёл он глаза в сторону. – Если чего ещё понадобится, то заходи, чем сможем, поможем, завсегда...

Мария торопливо надела шинель, натянула шапку, взяла мешочек. – До свидания. Спасибо.

– Я провожу, а то собаки, – накинул полушубок хозяин и вышел за нею на крыльцо. – Цыц! В будку! – Рывкнул он на залившихся лаем собак и топнул протезом. Собаки опять исчезли.

«Если экономно расходовать, то недельки на две хватит, – радостно думала Мария, торопясь домой. – Надо же и Бурёнке, хоть иногда, пошло подсолить.»

Мария вышла во двор, прищурилась на встававшее огромным красновато-золотистым шаром солнце, сладко потянулась и тут же схватилась руками за живот. Не очень-то потянешься, с каждым днём он потихоньку увеличивался и тяжелел, мешал нагибаться.

Дни стояли очень тёплые. Мария присела, потрогала руками землю. Холодная, конечно, с утра, остыла за ночь, но пора уже подходит, скоро сажать, надо... в первую очередь – лук, чеснок, морковь. Война вот-вот закончится, скоро и Владислав домой вернётся, Мария твёрдо верила, что он – непременно вернётся... Сколько раз он возвращался из разведки, весь посеженный осколками, из телогрейки вата торчала, но живой, изредка от него приходили письма, короткие, похожие одно на другое: жив, здоров, воюет, мечтает скорее увидеться...

Мария пошла в сарай, принесла лопату. Ручка рассохлась и крутилась в руках. Мария взяла топор, нашла подходящую щепку и, с трудом, но расклинила ручку, забила гвоздь. Ну вот, теперь можно копать. Она подошла к краю огорода, воткнула лопату в землю, надавила сапогом, погружая лопату полностью в отдохнувшую, податливую землю, подняла пласт, перевернула, ударила сверху лопатой, разрыхляя её, ещё раз копнула, ещё, ещё...

Мать справилась со своими делами, отвела на лужайку Бурёнку, исхудавшую за зиму, загнала в землю железный кол, зачем-то потрогала цепь, перекрестила корову и пробормотала себе под нос: – Езус Мария! Только бы волки не съели! – Потом она тоже разыскала в сарае лопату, пристроилась рядом с Марией...

Солнце поднималось всё выше и выше, сильнее припекало. Мария вытерла рукавом потный лоб и обессиленно остановилась, чувствуя, как сердце больно и гулко бьётся где-то возле самого горла.

– Отдохни, доченька, нельзя же так угробляться, – укоризненно произнесла мама. – Я ещё покопаю, не устала...

– Я немножко отдохну, мама, отдохну, – пробормотала Мария, чувствуя, что кружится голова. В животе опять сильно и больно ударило. «Сын будет, сын, вон как больно колотит!» – С трудом улыбнулась она пересохшими губами. Через несколько минут ей стало легче, слабость прошла, и она опять взялась за лопату.

К обеду они вдвоём вскопали порядочный кусок.

– Вот, какие мы молодцы! – Довольно сказала мама. – Пошли обедать. Я картошку сварила, молочко есть. Ничего, теперь не пропадём! Трава в рост пошла. Худо-бедно, а, всё ж, Бурёнку до травы додержали, вытянули. Скоро крапива подрастёт, щавель, будем супы зелёные варить, а там, глядишь, земляника поспеет, картошечка молодая, правда?

Они вымыли руки, поливая друг дружке из кружки, смыли пот с лица, вытерлись концами полотенца и пошли в хату. Мама вытащила из печки горячую ещё, просушенную картошку, вывернула её из чугунок в керамическую миску, поставила рядом кувшин молока, две кружки.

– Спасибо, мама, – сказала Мария, когда миска опустела и кувшин тоже. – Знаешь, я думаю, – она помедлила, – надо нам у Паулиней выпросить наседку и дюжину яиц. Давали они нам, и картошку, и муку, кур у них много... Глядишь, появятся и у нас цыплята, кур разведём, а, мама?

– Конечно хорошо, доченька, да только расплачиваться с ними как будем?

– Ничего, мама, лето длинное, как-нибудь отработаем, поросёнка нам бы ещё завести, – мечтательно проговорила Мария. – Может, потихоньку и выйдем из нужды, войне, считай, конец уже, мужики домой вернутся, Владислав, – Господи, только бы домой вернулся! Больше всего этого хочу!

– А братья твои? – Укоризненно спросила мама. – Эх, ты! Только о муже и думаешь!

– Да нет, мама, что ты! – Смешалась и покраснела дочь. – О братьях я тоже думаю...

– Езус Мария! – Подняла к потолку взгляд мама. – Верните мне сыновей! Всю жизнь, каждый божий день! Благодарить вас буду! Тогда бы мы быстро на ноги поднялись... Вон, Паулинь, сам одноногий, а четыре сына, хоть и малолетки ещё, а как хозяйство тянут, то рыбу с озера прут, то зайца с поля, в петлю попадёт...

– Мечтать хорошо, – тихонько проговорила дочь, а копать-то надо, пойдём, мама...

С каждым разом лопата всё труднее вгрызалась в землю, начали дрожать от усталости руки, спина разболелась так, будто в неё раскалённый железный прут воткнули.

– Не могу больше, мама, – смахнула пот со лба дрожащими руками Мария, вытерла лицо платком. – Давай посидим, отдохнём.

– Давай, доченька, отдохнём, Господи, ну что ты так надрываешься, а? – Посмотрела на дочь испуганными глазами мама. – У тебя ж дитё, сбросишь ещё, не дай Бог! Езус Мария!

Мария шла полем. Густо росли и покачивали жёлтыми головками молодые одуванчики. Часто серели, будто раскиданные разыгравшимся великаном, огромные валуны. По этой причине поле не годилось для пашни и использовалось оно окрестными жителями для выпаса коров и овец.

Невдалеке чья-то корова мотала головой и отмахивалась хвостом от наседавших нахальных слепней, она посмотрела на Марию и тоскливо промычала. Метрах в ста от неё зацепилась цепью за валун и запуталась овца, она тоже смотрела на Марию и тупо, дурным голосом, бляяла. Четверо ягнят беззаботно резвились друг с другом. Мать была рядом, остальное их не касалось. Мария подошла, распутала цепь, потрепала овцу по голове.

Высоко в небе самозабвенно выводил свою красивую песню жаворонок. Солнце слепило глаза. Невероятно-голубое небо раскинулось огромным шатром над родными местами. Кое-где плыли небольшие и реденькие перистые облака, будто художник несколько раз небрежно мазнул кистью. Глаза Марии остановились на небольшом, плоском сверху, камне. Появилось заманчивое желание присесть и отдохнуть. Её разморило по-летнему жаркое солнце.

Она села, положила руки на колени, подпёрла ладонями подбородок и задумалась: «А, может, права мама? Смогут ли они вдвоём вытянуть всё, что наметили на это лето? Теперь она идёт к Августу, будет просить его вспахать небольшую полоску, чтобы посеять рожь, не остаться на будущую зиму без хлеба. Августу за это тоже нужно чем-то платить. Денег больше нет. Правда, он не такой живоглот, как Паулинь, три шкуры драть не станет, сам беден, понимает, что это такое. Но, с другой стороны, дальше тянуть нельзя, потом поздно будет сеять, рожь не успеет созреть. Семена Паулинь обещал дать. Вот-вот приедет муж. В последнем письме он пишет, что каждый день ждёт демобилизации, измучился совсем.

Да и то правда, сначала служил три года перед войной, потом фронт, даже в отпуске не побывал! Приедет Владислав, сразу легче станет, молодой мужик в семье – это же такая сила! Пойду! – Мария решительно поднялась, отряхнула подол платья. – Август себе уже, наверное, отпахал, авось и нам отпахет!»

Тёплая, мягкая трава приятно щекотала босые пятки, невольно рождая улыбку на лице. Всё так же неподвижно висел в небе и заливался неугомонный жаворонок, солнце ласкало грудь жаркими лучами, какое-то сладкое томление и истома поднимались к сердцу, хотелось лечь в зелёную траву, вытянуть ноги, закрыть глаза, ни о чём не думать...

«Перестань! – Оборвала себя Мария. – Нашла время!»

Она пошла торопливее, опасаясь, что Августа, вдруг, не будет дома. С его женой труднее договориться, сразу скажет, что у самих дел по горло... К счастью, Август оказался дома. Он стоял на лестнице, прислонённой к старой, раскидистой яблоне, и спиливал сухие ветки.

– Добрый день, дядя Август! – Поздоровалась Мария, улыбаясь.

– Добрый день, соседка, – улыбнулся в ответ Август и полез вниз. Он взглянул ей в лицо и откровенно залюбовался: " Хороша! Загорела, румянец на щеках!" – Его глаза скользнули ниже.– Кхм, кхм, – закашлялся он, отводя глаза. Живот выпячивался вперёд, обезображивая её фигуру. Мария, заметив его взгляд, густо покраснела и опустила глаза.

– Дядя Август, помоги нам, пожалуйста! Запаши под рожь, а? Паулинь семена обещал дать... Скоро мой муж приедет, тогда рассчитаемся с тобой... А?

– Помочь-то, конечно, надо, – замялся Август. – Да, только, понимаешь, лошадёнка моя... обессилела совсем, отдохнуть бы ей надо, откормиться на свежей травке...

– Себе уже всё запахал, дядя Август?

– Себе-то... всё, – не смог соврать он.

– Так, ведь, тянуть-то уже некуда, дядя Август! – Взмолилась Мария. – Если ещё позже сеять, рожь не созреет, пропадём мы без хлеба!

– Я понимаю, дочка, – нахмурился он. – Опять старуха моя ругаться будет, запилит, хуже пилы...

– Дядя Август, миленький!

– Ладно, будь что будет! Приеду завтра, и отбороню заодно! – Махнул он, решившись, рукой.

– Ой, спасибо тебе большое! Миленький мой, дядя Август! – Всплеснула руками от радости Мария и звонко чмокнула его в щеку.

– Ладно, ладно, – опешил от такой ласки Август и шмыгнул носом.

– Пойду! – Заторопилась Мария, а то мне ещё в сельсовет надо, я ж, до сих пор не прописалась.

– Смотри, Мария, – предостерег Август. – На «лесных братьев» не нарвись! Дорога дальняя. В прошлую субботу они уволокли в лес и насильничали Франю Бекис...

– Сейчас, всё ж, день, дядя Август, – помрачнела Мария. – И брюхатая я, кто на такую позарится...

– И, всё ж, поберегись, дочка, Бог знает, что у тех супостатов на уме, -перекрестил её Август.

– Так мы завтра будем ждать, дядя Август, да? До свидания! – Попрощалась она.

– Да, да, приеду, не сумлевайся, дочка, – покивал головой Август.

Через несколько часов Мария добрела до Сельсовета, посидела несколько минут в тени на скамейке, вытерла платком лицо и постучалась в дверь.

– Да, да, – отозвался мужской голос. Она распахнула дверь и вошла.

– Добрый день, – в хате ей показалось темно после яркого солнца. Она зажмурилась, снова открыла глаза.

– Это... ты? – Удивлённо спросил вставший из-за стола мужчина. – Неужели... Маша? – Глаза привыкли к комнатному свету и Мария, наконец, узнала его. Это был Язеп Звидринь. Когда-то, давно, ещё мальчишкой, он был влюблён в неё и чуть ли не каждый день прибегал к их хутору. Её забавляли тогда его попытки понравиться ей, букетики ромашек, что он дарил, его вспыхивающие огнём щёки при виде Марии.

Он, в общем-то, был хорошим парнем, Юзик, и, кто знает, может быть и она полюбила бы его, если бы не война... Мария погрустнела от этих мыслей, вихрем пронёсшихся в голове, но, всё же, улыбнулась ласково: – Здравствуй, Юзик, как ты... возмужал, еле узнала...

– Эх, Машенька, – сдерживаемая изо всех сил боль промелькнула в его голосе. Я, ведь, всю войну надеялся...

– Не надо об этом, Язеп, прошу тебя... Поздно об этом говорить... Скоро мой муж придет... Да и... видишь, какая я, – кивнула она на свой живот, краснея. Вертикальные морщинки пересекли над бровями лоб Язепа. Он помедлил несколько мгновений, потом протянул ей руку.

– Здравствуй, Маша... Я рад, что ты осталась жива! Очень!

– Я – тоже... Юзик, рада, – вновь улыбнулась Мария, – протягивая ему руку.

– Ну, как ты живёшь? Где в войну была?

– На фронте... Второй Прибалтийский фронт, в латышской стрелковой дивизии, 677 артиллерийском полку, медсестрой. Там и замуж вышла... А ты?

– Я, самом начале войны, в окружение попал, потом партизанил... Теперь, вот, сюда поставили...

– Мне, Юзик, прописаться надо, – сказала Мария после продолжительного, неловкого для обоих, молчания.

– Что ж, давай документы, – почему-то огорчённо сказал Язеп. – Садись, пожалуйста, отдохни, дорога дальняя была.

Оформив всё, что нужно, он вернул бумаги. – Была Басулис, теперь Гринцевич... Кто он, твой муж?

– Русский, мы в одном полку всю войну провоевали. Он разведчик, в разведзвезде был... Пойду я, Язеп, некогда сидеть, дорога дальняя, – встала Мария.

– Я провожу тебя, можно? – Просительно проговорил он и в его лице проглянуло что-то далёкое, детское.

– Почему же нельзя? – Просто ответила она. – Проводи...

Они вышли на улицу. Солнце перевалило зенит и клонилось к западу.

Громко, азартно пели птицы в небольшой берёзовой рощице, белевшей стройными высокими стволами недалеко от дороги. Язеп искоса поглядывал на Марию, шедшую рядом. Это была совсем другая женщина, почти ничего не осталось в ней от той девчонки, какую он знал тогда, давно... Он старался не смотреть на её большой, тяжёлый живот, и, всё же, изредка, будто нечаянно, глаза его скользили по нему и тут же испуганно убегали в сторону. Ему очень хотелось заговорить с нею, но о чём, он не знал, мысли его лихорадочно прыгали, ища подходящие слова, но ничего путного в голову не приходило. От злости на самого себя он кусал губы и сжимал кулаки.

– Так и будем молчать всю дорогу? – Насмешливо спросила Мария, в упор встречаясь глазами с его взглядом. Язеп густо покраснел, развёл руками: – Никак не могу привыкнуть к тебе, что ты, вот такая, чужая жена, растерялся даже.

– Что это? – внезапно спросила она и потрогала пальцами мочку его уха. Язеп вздрогнул от её прикосновения, а потом беспечно сказал: – А, чепуха, пуля поцеловала.

– Счастливчик, немножко левее, и всё...

– Это что, смотри, вот здесь, – скинул он выцветшую кепку и раздвинул пряди светлорусых волос, пригибая голову. Мария увидела шрам повыше виска, над которым уже не росли больше волосы. Пуля вырвала клочок кожи на голове и улетела дальше.

– Да, – только и смогла сказать Мария. – Ты, наверно, в рубашке родился.

– Не знаю, мама не говорила, – засмеялся он.

Постепенно они разговорились, чувство неловкости прошло. Разговор их перекинулся на воспоминания детства. Они вспоминали разные смешные эпизоды из их жизни, часто смеялись.

Справа от дороги показалась сиротливо стоявшая печная труба, от дома остались только обгоревшие головешки, покорёженная железная кровать, валялся чугунный горшок с отбитым краем

– Здесь жила моя подруга, Моника, – грустно проговорила Мария. – Жива ли? Кто знает...

– Говорили люди, что всю её семью спалили живьём, – поколебавшись, ответил Язеп. – У них остановились немцы на постой, к вечеру напились, один из них стал во дворе приставать к Монике, она ударила его по голове лопатой. И тогда немцы всех их втолкнули в хлев, подпёрли дверь колом и подожгли. . .

– Господи! – С ужасом вырвалось у Марии, – Моника. . . – Слёзы покатались по её щекам. . .

– Зря я тебе рассказал, – огорчённо произнёс Язеп. – Перестань, Маша, ты же, фронтовичка!

– Не буду больше, – вытерла платком слёзы она. – Слабая стала, чуть что, сразу слёзы катятся, удержаться не могу, – виновато улыбнулась она.

Солнце заметно опустилось ниже, ненадолго закрылось от людских взглядов за облако, но вскоре вновь ослепительно ударило по глазам.

Высоко в небе, широко распластав крылья, парил коршун, высматривая подходящую добычу, стрекотали кузнечики. . .

– Ты живёшь у родителей? Они живы? – Спросила Мария, успокоившись.

– Нет, домой далеко ходить, может, велосипед куплю, тогда. . . А родители живы. . . Я у старушки одной живу, недалеко от Сельсовета; по субботам хожу домой, надо же своим помогать по хозяйству.

– Может, назад пойдёшь, Юзик? Неудобно мне, вон какой кусок вместе прошли!

– Я до дома провожу тебя, Маша, вечереет уже, места у нас беспокойные, «лесные братья» совсем обнаглели, ну ничего, недолго им осталось, скоро и до них доберёмся, – плотно сжал губы Язеп.

Солнце опустилось к горизонту. Закат пылал золотом, подсвечивая кромки небольших, розоватых теперь, облаков. «И завтра будет хорошая погода», – подумал Язеп. Ему тут же вспомнилась маленькая, горячая рука, протянутая на прощание Машей:

– Дай Бог тебе счастья, Юзик, и хорошую жену! "– Ласково улыбнулась она и, уже открыв дверь в сени, махнула ему рукой и скрылась. . . " Маша, Машенька, Марусенька», – мысленно произносил он на разные лады её имя. – Скоро она станет матерью, родит ребёнка от какого-то неведомого мужчины, который, сам того не ведая, перешёл ему дорогу и отобрал ту, о которой он мечтал все эти страшные, кровавые годы. . . Её надо забыть, вычеркнуть из сердца! – Сурово приказал он самому себе. – А ты думаешь – это легко сделать? – спросил его тихий, задумчивый внутренний голос. – Если бы это было так просто. . .»

Язеп брёл по поросшей травой дороге, по которой двигались только повозки да люди, совершенно не замечая её, полностью погружённый в свои мысли.

– Руки в гору! Ты, скотина! – С бешеным наслаждением в голосе процедил сквозь зубы высокий, заросший светлой бородой мужчина, нацеливший на него дуло немецкого «шмайссера».

«Пропал, – мелькнула лихорадочная мысль. – „Лесные братья“ – Эти живым не выпустят. . . Вот и всё. . . Отгулял по белу свету. . . Бог ты мой, как мало. . . Так просто я вам не дамся, сволочи!» – Язеп стремительно выхватил из кармана брюк пистолет и вскинул руку, целясь бандиту в живот. Откуда-то сбоку, из кустов, прогремела короткая автоматная очередь. Язеп почувствовал жгучую боль, рука повисла плетью, выпал пистолет. Затрещали кусты, его окружили пять или шесть заросших бородами бандитов.

– Ишь ты, ещё и прыкается, падла! – Удивлённо воскликнул один из них, в немецких офицерских брюках, хромовых сапогах и дешёвой, в клетку, рубашке.

– Вот и встретились, товарищ председатель! – С издёвкой в голосе пробасил светловолосый здоровяк. – Мы ж тебя предупреждали, отойди в сторонку, не ищи приключений на свою жопу... Ты наши записки читал?

– Читал! – С вызовом ответил Язеп, зажимая простреленную руку.

– Думал, война кончилась, вы победили, полный порядок, а? А оно – вон как обернулось... На колени! Лижи мои сапоги, ты, гнида! – Рывкнул бандит. – Может, я тогда тебя и пожалею...

– Ты что, Медведь, ошалел, что ли? – вмешался один из бандитов.

– Молчать! – Сверкнул на него бешеными глазами главарь. – Я здесь команду! – Лижи сапоги, ну?

– Не дождёшься, сволочь, не на того напал, – криво усмехнулся искажённым от боли лицом Язеп. – Всё равно ваша песенка спета, гады. Доберутся и до вас... Немца побили... А вы уцелеть рассчитываете? Опомнитесь, пока не поздно!

– Ишь ты, он и здесь агитирует! – Удивился бандит с длинным шрамом на левой щеке.

– Поставьте его на колени! – Скомандовал Медведь. В ту же секунду Язеп рухнул на колени от тяжёлого удара ребром ладони по шее. Раздался хохот.

– А ты говорил, что не дождусь, – заржал главарь. Язеп, собрав последние силы, встал на ноги.

– А мы, оказывается, гордые! – Ухмыльнулся Медведь и ударил Язепу здоровенным кулаком в лицо, тот упал спиной на дорогу, тут же повернулся на бок и вновь попытался встать. На него со всех сторон посыпались удары ногами, затем его грубо схватили за руки и поставили на ноги. Язеп вскрикнул от боли в раненной руке, открыл глаза, пытаясь прийти в себя. Всё плыло перед глазами, колени у него подгибались.

– Ты думаешь, это всё? – Почти ласково спросил Медведь. – Нет! Это не всё, краснопузая сволочь! Тащите его к болоту! – Приказал он. Почти волоком Язепу подтащили к болоту.

Ядовито-зелёная трава маскировала непроходимую трясины, чуть поодаль росли чахлые, искривлённые берёзки. Солнце скрылось за горизонтом. Прохладный ветерок ласково, будто материнская рука, коснулся щёк. «Всё, конец...» – Мелькнуло перед глазами встревоженное материнское лицо... «Береги себя, сынок,» – прошепстели её последние слова, которые она крикнула ему вслед, когда он уходил из дома в последний раз. «Прощай, мамочка!» – шевельнул он разбитыми губами, слизнул языком кровь.

– Сам полезешь, или помочь? – Приблизил к нему ухмыляющуюся рожу главарь. Язеп с ненавистью глянул в его глаза и харкнул запёкшейся кровью во рту в его самодовольную рожу. Медведь взревел от ярости, вскинул автомат, собираясь выпустить очередь в живот Язепу, заскрипел зубами... и опустил дуло вниз.

– Нет, так слишком легко умереть... Этого удовольствия я тебе не доставлю, – прохрипел он, вытираясь рукавом.

– Бросьте его в болото, да подальше, пусть побарахтается, – велел он своим головорезам.

Язепу раскатали и швырнули на сочную зелёную травку, которая тотчас же под весом его тела раздвинулась в стороны. Он почувствовал тёплую воду, промочившую одежду и коснувшуюся разбитого тела. Он, медленно и неумолимо, начал погружаться в трясины. Глубже становилось всё холоднее и холоднее. Бандиты замерли, ожидая, что он начнёт кричать, звать на помощь, и можно будет вдоволь посмеяться над его муками, страхом смерти. —

«Жить, жить! Хочу жить!» – Бесновался от ужаса кто-то, притаившийся внутри него. Одновременно в нём жила холодная, жестокая к самому себе мысль о том, что эта стая зверей на краю болота только и ждёт его крика о помощи, и тут же начнёт бесноваться от радости. Выбраться из трясины они всё-равно не дадут.

«Умри достойно, как умирают большевики!» – Стиснув зубы, приказал он самому себе. Ноги медленно оседали вниз, начали болезненно покалывать бесчисленные иголки жестокого холода, пальцы ног немели, теряя чувствительность.

Язеп запрокинул голову, продлевая последние секунды жизни, остановился глазами на розоватом от последних лучей солнца, скрывшегося за горизонтом, причудливой формы облаке. Перед ним промелькнули лица матери, отца, брата, погибшего в первые дни войны, Маши... Он почувствовал, как вода коснулась губ, закрыл глаза, стиснул изо всех сил веки, набрал носом воздуха полные лёгкие и... скрылся под водой, даже не открыв рта... Зелень медленно сомкнулась над ним, вздулись и тут же лопнули пузыри воздуха.

«Лесные братья» избегали смотреть в глаза друг другу и не могли сдвинуться с места.

– Да,.. экземпляр! – Удивлённо буркнул бандит со шрамом. Это неожиданно вывело из себя главаря, он коротко ударил того в ухо и рявкнул: – Заткнись, падаль, если бы тебя бросить туда же, ты верещал бы, как недорезанная свинья!.. Пошли отсюда! – Глянул он на остальных налившимися кровью глазами, чувствуя на лице засохшую корочку от плевка, которым наградил его Язеп.

Он, почти бегом, добрался до журчащего среди деревьев небольшого ручейка, долго плескал себе в лицо полные пригоршни воды. Остальные смотрели на него, переглядывались друг с другом, молча язвительно ухмылялись,

«Лихо тебе в морду харкнули!» – Думал, вздрагивая от обиды и ненависти, бандит со шрамом, чувствуя яростное желание всадить все пули из автомата в широкий зад Медведя.

ЧАСТЬ 2

Мария открыла глаза, глянула на часы с маятником, монотонно тикавшие на стене. Стрелки показывали пол-шестого. Она прислушалась. Мычала в хлеву Бурёнка, просившаяся на луг, барабанили в маленькое окошко дождевые капли, возилась у печи мама.

– Мама, дождь давно начался? – Спросила она.

– Нет, минут 10 назад. Ты полежи ещё, Маша.

– Надо вставать. Если дождь скоро кончится, то пойду к Паулиням, грядки полоть будет легче после дождя. – Она полежала ещё минут десять, чувствуя мучительное желание лечь на живот, зарыться лицом в подушку, спрятать под нею руки. И, тут же, её изнутри толкнули, как бы предупреждая: «Смотри, не вздумай баловаться!»

Мария улыбнулась этой мысли, встала с постели, заправила кровать, накинула сверху имевшее жалкий вид покрывало, натянула на себя платье и вышла во двор. Празднично голубело небо, вставало солнце, и только из небольшой серой тучки, непонятно откуда взявшейся и повисшей над головой, споро сыпались увесистые дождевики. В будке спокойно спал Тузик. Через отверстие виднелась его лохматая голова, лежавшая на передних лапах. Марии захотелось, как когда-то в детстве, выбежать под дождь, побегать, попрыгать, вымокнуть до нитки. Она глянула на выпиравший вперёд тяжёлый живот. «Поносишься теперь!» – Усмехнулась она, но, всё же, не выдержала, выскочила под дождь, запрокинула лицо, чувствуя, как довольно сильно, но, всё же, приятно, бьют по лицу крупные капли, как намокает и льнёт к телу, становится тяжелее платье.

– Ну, сумасшедшая! Совсем ошалела без мужика девка! – Вытаращила на неё глаза мама, когда она вскочила в хату в мокром, прилипшем к телу, платье, рассыпавшимися по плечам и висевшими сосульками мокрыми волосами.

– Ой, мама, как хорошо! – Радостно воскликнула она. – Дождь скоро кончится, пойду к Паулиням полоть.

– Как ты пойдёшь в мокром платье? Оно ж у тебя одно такое, в другие ты не влезешь теперь, – всплеснула руками мать.

– Да ничего, мама, пока дойду – обсохну, – засмеялась Мария.

– Вдвоём бы, конечно лучше, дочка, да боюсь я телёнка одного без присмотра оставить, и самим надо грядки полоть, иди лучше, одна, – решила мама.

Мария вытерла лицо льняным полотенцем, подсушила волосы им же и села к столу. Мать вытащила из печки молочную похлёбку с мучными клёцками, разлила в керамические миски. Позавтракали. Дочь порылась в тряпье, нашла безнадежно затасканную, дырявую кофту. «С утра на плечи накину, – подумала она, – а потом под коленки буду подкладывать.»

Пошумел короткий дождик и затих. Блестела свежевывмытая трава, поднималось солнце над зубчатыми вершинами елей. Неугомонный жаворонок вырвался в небо, помахал крыльшками, набрал высоту и, сходу, залился радостной трелью. «Ишь, как хорошему утру радуется пичуга!» – Улыбнулась Мария. Она шла босыми ногами по мокрой траве, платье липло к телу, ей было холодновато. Она, на ходу, всунула руки в рукава кофты, застегнула до верху пуговицы. Стало теплее. «Вот дурёха! – Укорила она себя. – Вымокла до нитки, а зачем?»

В лесу ещё стоял сумрак, тропка была ещё почти сухой, короткий дождик не смог пробиться сквозь толщу ветвей. Невдалеке от тропы, рядом со стволом ели, бугрился лесной муравейник. Большие рыжие муравьи сновали взад-вперёд, таскали сухие хвоинки, каких-то жучков, личинки. Мария остановилась, понаблюдала несколько минут за их суетливой дея-

тельностью и пошла дальше. «Ничего, – думала она, – как-нибудь проживём. Теперь, вот, тёлочка есть, до осени подержим, пока трава, потом продадим, купим овец, поросёночка... Может, Владислав деньжонок сколько собрал к демобилизации. Почему он не едет? Война кончилась, немцы подписали капитуляцию...» Она тут же вспомнила, как 11 мая прибежал дядя Август, босой, в расстёгнутой до пупа рубашке, от него пахло табаком и самогонкой. Ещё не успев открыть дверь, из сеней, закричал во всё горло: – Победа! Победа! Фашист капитулировал! – Потом он обнимал их с мамой, щекотал бородой, целовал слюнявыми губами. Мария тоже целовала дядю Августа, кружилась с ним по комнате, плакала на лавке, тут же смеялась, опять плакала, всё у неё валилось из рук, она не помнила, куда шла и что собиралась делать, вспоминала погибших друзей и подруг, опять плакала, целовала Тузика в холодный мокрый нос, он, от избытка чувств, неистово прыгал к её лицу, пытался лизнуть горячим языком... Она засмеялась, вспоминая это, и, тут же, замерла, уж больно неуместно прозвучал этот одинокий смех в сумрачном лесу, пришло чувство тревоги. Она вспомнила про «лесных братьев», пропавшего Язепа. Он, как в воду, канул после того, как провожал её домой. «Неужели это они схватили его? – Думала она. – Если да, то его уже нет в живых.» Она увидела перед собой его голубые глаза, полные нежности, крупную, гордую голову, широкие, бугристые плечи...

Вот и хутор Паулиней. Рвались с цепи, роняя злобную пену, здоровенные псы. Вышел хозяин, рывкнул на них, псы замолчали и завили хвостами.

– Доброе утро, дядя Алфред! – Поздоровалась Мария. – Пришла, вот, долги отработать.

– Доброе утро, соседка! Моя Юзефа уже на грядках... Вот только... как ты полоть-то будешь? – Замялся он.

– Ничего, дядя Алфред, я на коленках буду, смогу, – ответила, краснея, Мария.

Солнце поднялось довольно высоко и начало основательно припекать. На все лады заливались среди деревьев птицы. С разгону шлёпались на мокрую от пота кожу и кусались слепни. Мария била по укушенному месту чёрными от земли и травы руками. Пот набирался в бровях, скатывался в глаза и щипал их. Сильно болели уставшие колени, живот упирался, казалось, в самое горло. Мария старалась не обращать на это внимания и неумоимо вырывала сорняки, складывала их в кучки между грядок. Были моменты, когда казалось, что всё, она больше не сможет даже шевельнуть рукой, ещё секунда, и она потеряет сознание. Усилием воли она заставляла себя вырвать ещё сорняк, ещё, ещё...

Постепенно уходила слабость, дышать становилось легче. Временами, тот, долгожданный малыш, начинал беспокойно возиться, стучался в живот, в рёбра, потом затихал. Юзефа, половшая соседнюю грядку, поглядывала удивлённо на Марию, поражаясь её выносливости, но помалкивала, втихомолку радуясь такой работающей батрачке. Алфред сидел во дворе, отставив в сторону деревянный протез, отбивал косы. Ему на войне крупным осколком оторвало нижнюю часть ноги, примерно посередине между коленом и ступнёй, так что ходил он на своём деревянном протезе мало хуже здорового мужика. Пришли с озера сыновья, притащили полные две большие плетёные корзины лещей.

– Смотри, пап, – похвалился Вилис, старший сын, вымахавший в свои 17 лет ростом с отца, – с двух мерёж натрясли! С коптуром!

– Молодцы! – Довольно ухмыльнулся Алфред. – Покушайте, посмотрите там, в печке, сами. Пусть мать работает, не отвлекайте её. А потом надо чистить рыбу. Ты, Вацлав, растопишь коптильню, – сказал он среднему сыну, всего на год моложе старшего, но, почему-то, сильно отставшего от него в росте. – Закоптим лишнюю рыбу, чтобы не пропала.

– Давай положим её в погреб, на лёд, а? Папа? – Предложил Вацлав, которому не хотелось возиться с коптильней.

– Делай, что сказано! – Отрубил отец, хмурясь.

– Ладно! – Буркнул Вацлав и поплёлся в избу, за ним, гуськом, младшие, близняшки, Янис и Дайнис. – Пап, – понизил голос Вилис, – я, недалеко отсюда, косулю видел. Может, вместе с выводком шлёпнем? У отца, сразу, глаза загорелись:

– Где?

– За сосонником, около кустов.

– Завтра ходим с карабинами, – решил Алфред.

Юзефа посмотрела на солнце, приставив ко лбу козырьком ладонь, с натугой распрямила спину.

– Пойдём, пообедаем, Мария. Сыны проголодались, да и у самой в животе сосёт.

Они полили друг другу кружкой из ведра, вымыли руки, насколько смогли, пальцы так и остались черновато-зелёными, смыли пот с разгорячённых лиц.

Прошли к столу. Мария села на табуретку в сторонке, сложила руки на коленях. Очень болели ноги, нестерпимо ныла поясница, хотелось лечь, хоть бы и на пол, закрыть глаза, ни о чём не думать...

– Придвигайся к столу, соседка, – позвала Юзефа. – Чем богаты, тем и рады! – На столе дымилась белая, рассыпчатая картошка, в большом, керамическом кувшине – простокваша. На небольшой, плоской тарелке – крупно порезанные розоватые ломтики солёного сала. Мария только глянула на них, сразу почувствовала голодную слюну во рту. Юзефа нарезала большие ломти ржаного хлеба, прижимая круглый выпуклый каравай к груди, придвинула к Марии тарелку с вилкой, пошла звать остальных. Когда все расселись за столом, Алфред разгладил усы, перекрестился на икону, зацепил вилкой ломтик сала, ищуще пробежал глазами по столу.

– Мать, очисти луковицу, – попросил он жену. Она вскочила, выбрала из связки крупную, очистила её, порезала дольками, подала мужу солонку с солью. Мария положила себе ложкой картофелину, подцепила ломтик сала, с наслаждением впилась в него зубами. «Господи, как давно солёного сала не ела!» – Подумала.

– Бери ещё, бери, не стесняйся, – заметил её колебания насчёт второго ломтика Алфред. – Знаю, какая у тебя пайка дома. Тебе надо, как следует, кушать, ребёнок в тебе, так что кушай, сколько хочется, не смотри на нас, мы не голодаем.

– Да, пап, мам, чуть не забыл... Знаете, что на озере говорил Дембовский? – Воскликнул Вацлав.

– Что? – Повернул к нему голову отец.

– Он говорил, что нашего председателя Сельсовета «лесные братья» в болоте утопили!

– Езус Мария! – Вскрикнула Юзефа, совсем же ещё молодой мужик! – Мария почувствовала какой-то болезненный укол в сердце, потемнело в глазах.

– Что ты? Плохо тебе? – Встревоженно спросил Алфред, увидев её, ставшее белым, без единой кровинки, лицо.

Мария хотела взять себя в руки и не смогла. Слезы часто закапали из глаз.

– Язеп же за нею бегал до войны, забыл, что ли? – Шепнула ему Юзефа... Все в полном молчании вышли из-за стола и пошли во двор...

Мария работала до вечера в каком-то угаре, забывая, где она и что делает. Её руки вырывали сорняки, кидали их в кучу, а перед глазами стояло грустное лицо Язепа, когда он взял протянутую ему руку на прощание, бережно сжал её пальцы сильной рукой, не хотел выпустить их. Потом она вспомнила его ещё мальчишкой, как они вместе ходили в землянику, как он срывал особенно крупные ягодки, собирал их в ладошку, а потом протягивал эти ягоды ей и просил их съесть прямо с ладошки...

Она, смущаясь, кушала их, остро ощущая его волнение, видела его затуманившиеся от нежности к ней глаза...

Потом они бегали среди редких, старых берёз, Язеп гонялся за нею, схватил её на бегу за талию, прижал к себе, бледнея... Она вырвалась, – Не надо, – попросила тихо...

Забывшись, Мария застонала, заволокло глаза слезами... «Сволочи, гады, – билась в голове мысль. – Войну пережил, целым и невредимым вернулся, а погиб от руки таких же латгальцев, как сам!»

Мария поднялась, выпрямила усталую спину. Колыхнулся тяжёлый живот. Передвинула вперёд сложенную в несколько раз кофту, опустила на неё коленями, сразу занывшими от боли, ещё быстрее заработала руками.

Тихо плыли на восток белоснежные облака, пылало и слепило глаза солнце, текли по спине и груди струйки пота. В лесу заливались на разные голоса птицы, валялись в пыли, высунув языки, псы, копались в земле, скрываясь в тени сарая, куры и важные, надутые, индюки. Приплелись на грядки трое сыновей, пригнанные отцом в помощь матери, нехотя стали полоть. Юзефа подошла к ним, стала объяснять, что нужно вырывать, а что должно расти дальше. Сыны покивали головами, поняли, мол, и продолжали своё дело. Спустя минут пятнадцать Юзефа опять подошла к ним, присмотрелась к их работе, всплеснула руками, надавала сынам затрещин и закричала:

– Вот паразиты, вот обормоты, всю морковку выдрали! Только бы им по лесу шататься, да на рыбу, а на грядках пусть одна мать горбатится!

– Так уж и одна, – буркнул старший сын и тут же заработал ещё одну затрещину.

– Молчи! Когда мать говорит!

– Не мужское это дело, мам, заканючил один из близняшек, то ли Янис, то ли Дайнис.

– Так сначала стань мужчиной, охламон несчастный, – взвилась мать. – Нарочно, ведь морковку рвут, паразиты, чтобы я их быстрее с грядок прогнала! – Не унималась мать. – А ну, полите, как следует! Я вам покажу! Давно ремня отцовского не получали!

– Ладно, хватит тебе, завелась! – Пробурчал опять старший сын, хмуря сросшиеся на переносице брови.

Солнце опустилось совсем низко, когда кончили полоть грядки. Мария пошла к пруду, вымыла там чёрные от земли руки и ноги, смыла водой пот с лица и груди, вытерлась платком.

– На, Мария, возьми, – протянула ей Юзефа надетых на лозовую ветку трёх крупных лещей, – побалуется с матерью.

– Ой, спасибо большое! – Обрадовалась Мария. – Я так давно рыбу не ела! Если бы не вы, пропали бы мы совсем!

– Да чего там, людям надо помогать, – смутилась Юзефа. – Завтра придёшь?

– Конечно, долги надо отрабатывать. – Мария взглянула в тревожные глаза Юзефы, улыбнулась. – Не бойтесь, мы, конечно, много у вас набрали, но, лето длинное, отработаем. Скоро и Владислав приедет, поможет... Так я пойду, тётя Юзефа...

– Иди, дочка, с Богом. «Езус Мария, мучение же с таким животом работать-то, подумала Юзефа, чувствуя подступившую жалость. – Так, ведь, даром весь свет не накормишь, сами голыми останемся, срамоту прикрыть нечем будет», – сурово поджала она губы, глядя в спину медленно идущей Марии...

Мария тащила раненого, лежащего на плащ-палатке, упираясь изо всех сил каблуками в землю, обливаясь потом. Невдалеке противно заныла мина, взорвалась, обсыпала землёй... Мария упала ничком, закрывая голову руками. И, вдруг, наступила тишина. Она неуверенно поднялась, отряхнула подол юбки, и, вздрогнув, замерла, открыла рот, собираясь закричать со страху, и... не смогла, – голос пропал. В шаге от неё стоял и молча улыбался фашист, скаля

жёлтые, прокуренные зубы. Неожиданно его улыбка превратилась в яростный, звериный оскал. Он замахнулся, со свистом выдохнул воздух и ударил её прямо в живот широким, сверкнувшим на солнце, штыком карабина. И такая страшная, резкая боль полоснула её, что Мария пронзительно закричала и... проснулась.

– Езус Мария, что случилось? – влетела, белая, как мел, мать в ночной рубашке, стиральной бессчётное число раз и просто чудом до сих пор не расплзшейся.

– Приснилось, мама, – потрогала рукой волосы Мария, ей казалось, что они встали дыбом от ужаса.

– Тьфу! Напугала до смерти! – Плюнула от досады мать, собираясь идти одеваться. И, вдруг, опять, точно такая же, резкая боль полоснула по животу.

– Ой! – вскрикнула Мария, хватаясь за живот. – Больно, мама, – простонала она. – Больнооо... Мать кинулась к ней, отшвырнула одеяло, пощупала живот, глянула на ноги и выпрямилась, кусая губы.

– Начинается, доченька, – прошептала она испуганно.

– Ой, мама, – напряглась Мария, изгибаясь дугой, чувствуя, как неудержимо разрывается её тело. – Боюсь! Мама, страшно мне!

– Потерпи, доченька, потерпи! – Засуетилась, забегала по избе мама, хватаясь за тряпки, затем кинулась к своей постели, торопливо натянула платье.

– Я скоро, потерпи, побегу к Стывренихе, она старуха опытная, всё сделает, как надо! – Крикнула она и хлопнула дверью. Страх охватил Марию. Ей казалось, что она в одиночестве, осталась одна, совершенно одна, в целом мире, забытая и никому не нужная... И тут новый приступ боли охватил её, она застонала, заскрипела зубами, вцепилась ими в подушку, закрывая ею рот. Даже кричать было страшно в одиночестве...

Она потеряла ощущение времени, ей казалось, что эта невыносимая боль раздирает её уже целую вечность, мнёт её, раздвигает кости... Неожиданно, почти реально, она почувствовала на губах жадные губы Владислава... Ей грезились его переполненные страстью и желанием глаза... Она дёрнула в сторону головой, сжала губы, её охватило чувство враждебности, даже ненависти к нему. «Ненавижу, ненавижу!» – Толчками била в голову кровь.

И тут новая волна обжигающей, раздирающей на части, боли охватила её, животный вой вырвался из груди. Ей казалось, что её собственное тело распадается на части... И тут пришло облегчение... Мария в изнеможении откинула голову на подушку. То ли слёзы, то ли пот, щипали глаза, не осталось сил даже шевельнуться... Залаял Тузик во дворе, хлопнула входная дверь.

– Там она, там, проходи, бабуся, проходи, милая, – подталкивала мать в спину белую, как лунь, сгорбленную старушку.

– Здравствуй, внученька, – пропела, улыбаясь беззубым ртом Стыврениха, нагибаясь над нею. – Ахти, Господи, разрешилась уже! – Всплеснула она руками. – Вода есть горячая? – Повернулась она к матери.

– Н-нет, – испуганно ответила мать.

– Грей воду, грей, дочка, скорей. Мать налила в большой чугунок воды, чуть не разлив её, пока ставила в печь. Трясущими руками щипала лучину, сломала две спички от спешки, но, всё же, огонь развела. Старушка копошилась в ногах у Марии, бормотала себе под нос: – Синенький чегой-то, не кричит, вроде... не дышит... Мария почувствовала тревогу от её бормотания, открыла глаза.

– Кто? Бабушка, кто?

– Мальчик, внученька, мальчик, – заулыбалась старушка.

– Покажи, бабусь, – попросила Мария, чувствуя слёзы облегчения, скатившиеся на подушку.

– Нельзя, внученька, нельзя, потерпи, ещё насмотришься, его надо сначала в божеский вид привести.

Старушка унесла младенца, по пути шлёпая и встряхивая его. До Марии доносились голоса матери и Стывринихи, что-то обсуждавших на кухне в пол-голоса... Она приподнялась на локтях, вытянула шею, прислушиваясь, но новый приступ слабости и головокружения свалил её на подушку. Поплыл потолок перед глазами, закружился, завращался, всё быстрее и быстрее...

Она закрыла глаза, но вращение не кончилось, её тело закачалось, как утлое судёнышко в бурном море.

– Мама! Мама! Как мне плохо! -Закричала она изо всех сил. Но это ей только казалось, её губы смогли только тихо прошептать это.

– Бабуля, почему он не кричит? – Тревожно спросила мать у повитухи, которая встряхивала младенца, качала, шлёпала по попке.

– Думаешь, я сама знаю? – С болью пробормотала старушка.– Ты воду согрела?

– Согрела, горячая уже.

– Попробуй ты, – сдалась старушка, – у меня уже руки отваливаются и спину ломит, спасу нет...

Мать взяла младенца на руки, с силой принялась трясти и шлёпать его, но он не подавал признаков жизни.

– Езус! Мария! Да что же это такое? -Закричала в отчаянии мать. – Неужели... мёртвый? Маша ж, с ума сойдёт! Внучек мой милый, ну, открой же глазоньки! открой! Посмотри на свою бабушку! – Молила она, орошая слезами безжизненное, сморщенное, личико младенца.

– Тише! сумасшедшая! – Прошипела Стывриниха, роженица услышит!

– Внучек! Родненький! Миленький мой! Ну оживи! Не умирай! Господи! помоги! – Всклипывала мать, раскачивая его, и, вдруг, остановилась, замерла, впилась глазами в крохотное личико, ей показалось, что у него дрогнули губы.

И, точно: губы дрогнули, ротик раскрылся, шевельнулись веки, открывая глаза, удивительно синие, с голубыми белками.

– Ой, смотри! Смотри, бабуля! – Зашептала и вновь залилась, теперь уже счастливыми, слезами мать. Новорождённый опять пошевелил бескровными губами и, вдруг, подал голос, да ещё какой! Громкий, пронзительный!

– Теперь, уж, жить будет! – Заулыбалась повитуха. – Давай его сюда, будем в божий вид приводить...

ЧАСТЬ 3

Денёк выдался на славу. Чистое, высокое-высокое небо, уже с утра ласковое солнце, слабый тёплый ветерок, способный лишь слегка покачивать тонкие ветви берёз да бело-жёлтые головки ромашек. Пели птицы, стрекотали кузнечики, кусались слепни и комары. Но, для человека привычного, это такая мелочь, что и внимания обращать не стоит.

«Трава густая, высокая, хорошее сено получится из неё, только бы дожди не испортили всю работу,» – подумала Мария, взмахивая косой, стараясь брать пониже, но и в то же время следя, чтобы коса не зарывалась носом в кочки, нарытые кротами. Сейчас уже косить стало труднее, солнце высушило росу, коса с трудом врезалась в траву, быстро тупилась. Мария остановилась, протёрла пучком травы лезвие косы, поточила её бруском. Получалось, конечно, не так звонко и уверенно, как у мужиков, ну ничего, лишь бы косить можно.

«Завтра пойду к Паулиням, возьму с собой косу, попрошу, пусть дядя Алфред отобьёт её, он это мастерски делает. Придётся и Робчика, сыночка, с собой брать. Положу его в тенёчке, за кустиком, ничего, полежит...»

– Машааа, – закричала мать, ворошившая поодаль, сено. Иди, ребёнка кормить надо, небось искричался уже.

– Пройду прокос до края и схожу, – крикнула в ответ Мария, чувствуя, как взмокло платье на спине и подмышками.

«Эх, сейчас бы раздеться и голышом в озеро!» – Мечтательно подумала она. Да, вот только, до него больше километра. Нет, сейчас нельзя, – отогнала она соблазнительную мысль. – Может, вечером схожу. А вечером страшно, вдруг на «лесных братьев» нарвусь. Раньше бы их мой живот отпугнул, а теперь, – опустила она вниз глаза, – от него и следа не осталось, вон как платье свободно болтается! И когда только их, гадов, прикончат? Ходишь по своей родной земле и боишься!»

Она вспомнила, как неделю назад мимо их хутора проходил отряд «ястребков», так называют местные жители бойцов истребительного батальона, занимавшегося ликвидацией бандитизма в лесах Латгалии. В избу зашёл командир, спросил у них о «лесных братьях». Но что путного они могли ему сказать? Конечно, они знали, что по ночам по округе гремели выстрелы, узнавали от соседей о погибших от их руки людях, о изнасилованных ими девушках и женщинах... Но где они скрываются, эти «лесные братья», бандюги проклятые, они не знали. На хутор, к счастью, они ни разу не заглядывали. Что они могли рассказать командиру, то рассказали, а больше, увы! Командир огорчённо нахмурился: – Жаль, очень жаль! – Расстроено проговорил он. – У кого ни спросишь, никто не знает! Но где-то они, всё же, скрываются!? Не может быть, чтобы никто из местных жителей не знал этого!

– Не сердитесь, капитан, но мы, честное слово, не знаем, – огорчённо, что не может помочь, ответила Мария. – Я сама всю войну на фронте была, неужели вы думаете, что я бы скрыла от вас, если бы знала, где эти гады скрываются?

– Извините меня! – Пробормотал командир и добавил: – Дайте воды попить. Мария зачерпнула металлической кружкой воды и подала ему. Капитан выпил, крякнул от удовольствия, вытер губы.

– Фронтная, может? – Поинтересовался.

– Фронтная, – с гордостью подтвердила Мария.

– У меня к вам только одна просьба:– сказал командир.– Если услышите, или узнаете, что-либо полезное для нас, постарайтесь как-нибудь нам сообщить, хорошо?

– Обязательно! – Кивнула головой Мария.

- До свидания! – Попрощался капитан.
- Будьте здоровы! – Пожелала ему Мария.

На другой день отряд возвращался ни с чем. Бандиты ускользнули из-под носа, ушли невредимыми. Отряд недосчитался одного бойца. Его нашли лежащим ничком, с зиявшей ниже затылка раной от ножа или штыка.

– Мастерский удар! – Хмуро сказал капитан, когда показали ему убитого.– Бил высокий и очень сильный физически человек, бывший человек, – добавил он.

Мария докосила прокос, воткнула косу ручкой в землю, нажала сильнее руками, чтобы не упала коса, а то в траве её можно не заметить вовремя и порезать ноги, пошла домой.

Сынишка лежал на её кровати и уже давно и безнадежно кричал, просил кушать. Мария торопливо расстегнула пуговицы и дала ему грудь. Он жадно схватил губами сосок и принялся сосать молочко, постанывая от удовольствия, зажмурил глаза.

– Но, но, потише, – уговаривала его Мария, когда он слишком больно сжимал беззубыми дёснами сосок. Наконец он насытился и, сразу же, уснул, засопел носиком.

– Беденький мой, искричался весь, – ласково прошептала Мария, поцеловала его в высокий лобик и вышла во двор.

Солнце поднялось выше и ощутимо припекало. Мария подняла голову, приложив руку козырьком над глазами. В небе, по-прежнему, ни облачка. Высоко-высоко парил, распластав крылья, коршун. «Разбойник, только и ждёт, как бы ему цыплёнка стащить!» – подумала она и зашагала на луг. Опять звенела коса от шаркающих движений бруска, ложилась покорно трава, срезанная под корень поблескивающим на солнце лезвием, длиннее и длиннее становился новый прокос. «Господи, когда же Владислав приедет? Уже конец июля, а его всё нет и нет, – думала Мария, взмахивая косой. В каждом письме пишет, что уже скоро, вот-вот... Истосковалась совсем. И почему его не отпускают? Война, вон, когда уже кончилась...»

– Пойдём, доченька, обедать, сказала позади мама, — незаметно подошедшая к ней.

– Фу ты! Испугала! – Вздрогнула Мария, останавливаясь.

– Пойдём, пойдём, вон уже спина какая мокрая. Всю работу не переделаешь, – назидательно сказала мать.

Во дворе они умылись, поливая друг другу из кувшина и прошли в избу. Мария опять кормила сынишку, а мать разлила по мискам щи, сваренные из свежего щавеля, добавила туда сметаны, нарезала мелко зелёного лука. «Туда бы ещё пару яиц да сальца порезать мелкими кусочками» -подумала она, вздохнув. Вошла Мария, на ходу застёгивая пуговицы платья. На её лице всё ещё светилась нежность, которой вся она была переполнена, когда кормила ребёнка.

– Ой, мама, какое это блаженство, когда он сосёт грудь! – Сказала она мечтательно, – хочется реветь от счастья, честное слово!

– Хорошо, когда есть что сосать, – проворчала мать, прогоняя заоблачное настроение Марии, возвращая её к земным заботам. Они молча пообедали.

Мать мыла посуду, искоса поглядывая на сидевшую у стола дочь, которая задумчиво смотрела через окно, подперев ладонью подбородок.

– Что-то долго муж твой не едет. Может, кралю себе какую нашёл? – Заговорила мать. Мария вздрогнула, тень недовольства промелькнула на лице.

– Разве это от него зависит? Когда отпустят, тогда и приедет.

– А откуда ты знаешь, может, его уже давно отпустили? – Гнула своё мать. – Вон, уже по хуторам мужчины возвращаются, а его всё нет...

– Да не знаю я, мама, ну что ты мне душу терзаешь? – Внезапно вспыхнула Мария, вскакивая из-за стола, выбежала вон, сильно хлопнув дверью.

– И слова уже сказать нельзя! – Крикнула ей вдогонку, с обидой, мать.

Мария остервенело взмахивала косой, будто рвалась догнать кого-то невидимого. «Уже и мама сомневается, что он приедет, – обиженно размышляла она. – А, вдруг, и правда, не приедет? – Промелькнуло в голове, отзываясь тонким уколом в груди. – Нет, не может быть! ведь он так любил меня!»

Она стала вспоминать, как он ухаживал за нею, терпеливо сносил её насмешки, не обижался на неё, что бы она ему ни говорила. А она вдоволь поводила его за нос. Ей, избалованной вниманием и ухаживаниями молодых офицеров, сначала не хотелось даже обращать внимание на сержанта, следившего за нею преданными глазами. Но, постепенно, она невольно, всё чаще и чаще, начинала задумываться, вспоминать его взгляды, выражение лица, жесты, голос, его слова. И наступил такой миг, когда она спросила себя: «Неужели... люблю?» И, тут же, громко расхохоталась над нелепостью своей мысли.

«А, ведь, любишь же! Любишь! – Вкрадчиво прошептал внутренний голос. Она тогда отмахнулась, рассердилась даже.

Прошло время, но голос был терпелив: – Ну признайся же, признайся самой себе... Я, ведь, прекрасно знаю, что любишь!» – Да, люблю, ну и что? – Серdito ответила она, и, тут же, поняла, что да, любит, что ей плохо без него, трудно без него.

А потом, когда их группа ушла в разведку и, спустя неделю, вернулся только он один и принёс карту с разведанными в посеченном осколками маскхалате, измученный и худой, как щепка, она прижала его голову к своей груди, гладила его слипшиеся, грязные волосы, целовала его исцарапанное лицо, смывая пыль собственными слезами, шептала бессвязно слова любви и нежности.

...Спустя пол-года, в затишье между боями, сыграли, очень скромную, фронтовую свадьбу. Командир полка, высокий, беловолосый латыш, поздравил их с рождением новой семьи, пожелал им пронести свою любовь сквозь огонь войны, остаться живыми и невредимыми. Коптились на столе фронтовые лампы, сделанные из артиллерийских гильз, пили спирт из солдатских кружек... Через несколько дней НП (наблюдательный пункт) полка накрыло прямым попаданием тяжёлого снаряда...

Полк выстроился у свежeverытой могилы, прощался с обезображенными останками того, кто, ещё совсем недавно, был их командиром. Мария молча смотрела, как падала земля, скрывая могилу, как выравнивали лопатами холмик, выросший над нею... Безостановочно текли слёзы, она их даже не замечала... Звучали в голове слова: «Останьтесь живыми и невредимыми, пронесите свою любовь до светлого дня Победы, до конца дней своих, ...живите!» Эти слова повторялись в голове снова и снова, и она ничего не могла с этим поделать, да и не хотела...

Воспоминание было таким ярким и реальным, такую боль она почувствовала при этом, что слёзы опять покатались по щекам. Она остановилась, опёрлась на врезавшуюся в кочку косу, постояла так несколько минут, постепенно успокаиваясь, стянула с головы платок, вытерла мокрое лицо и опять завязала платок. С усилием вытащила косу, вытерла лезвие пучком травы, долго точила её, затем набрала полную грудь воздуха, взмахнула косой.

Из-под самого лезвия, отчаянно махая крылышками, взвилась вверх серенькая птичка, забелели пятнистые яйца на дне гнёздышка. «Господи, ещё чуть ниже и разнесла бы в клочья гнездо! – Испуганно подумала она, подошла к росшему невдалеке кусту лозы, сломала ветку и воткнула её рядом с гнездом, чтобы нечаянно не затоптать его. – Живи! Маленькая мамочка!» – Подумала она.

Четыре сына уступом двигались за отцом, дружно взмахивая поблескивающими на солнце косами. Ровными рядами ложилась на землю скошенная трава. Поднималось солнце. Разноцветно вспыхивали под лучами капельки росы, заливались птицы в лесу. В низинах ещё плавал туман, клочьями поднимаясь вверх. Воздух свеж и сладок, дыши – не надыхнешься!

– Пап, а пап, – заканючил средний сын. – Давай, отдохнём, у меня уже коса из рук валится! – Отец остановился, оглянулся укоризненно, с размаху воткнул косу в землю.

– Пару минут, не больше, нельзя сейчас долго отдыхать, пока роса стоит, высохнет трава, тогда завтракать пойдём, отдохнём... Слабак ты, Вацлав, – не удержался от укора отец. – Что же мне, тогда, говорить, я, ведь, на одной ноге...

– Да, ты, вон, какой сильный! – Буркнул средний, опуская голову и краснея.

Алфред выдернул косу и стал точить её, его примеру последовали и сыны. И опять дружно взлетали косы, врезались, вжикая, в траву, которая покорно ложилась в ряды, прокосы становились всё длиннее и длиннее.

– Мать, корми работников! – Весело скомандовал Алфред, когда они всей гурьбой ввалились в избу.

– Сейчас, сейчас, – заулыбалась и Юзефа, оглядывая их усталые и, всё же, оживлённые лица.

– Мама, я – голодный, как волк! – Громко шлёпнулся на табуретку старший сын. Мать поставила на стол большую миску блинов, нарезанный дольками копчёный окорок, хлеб, чай, настоящий на зверобое, блюдо с кусковым сахаром. Проголодавшиеся мужчины набросились на еду, ели молча, громко жевали.

Раздался стук в дверь. Вошла Мария.

– Доброе утро! Приятного аппетита! – Сказала она и остановилась в нерешительности у порога, не зная, что делать.

– Доброе утро, соседка! Проходи к столу! В самое время попала! – Благодушно сказал Алфред.

– Да я уже позавтракала, – ответила Мария.

– Проходи, дочка, проходи, не стесняйся, – подошла к ней Юзефа и потянула за локоть к столу. – Знаем мы твои завтраки... А ты нас не объешь, одним ртом больше, одним меньше, какая разница.

Мария прошла к столу, села на подставленную табуретку. Юзефа положила на тарелку увесистый кусок копчёнки, пододвинула к ней, протянула вилку.

– Ешь, соседка, ешь! – Мило улыбнулась она, а сама подумала: – «Знай нашу доброту, голь перекатная! Ишь, в красной армии служила, а по людям побираешься! Много тебе богатства Советы дали? А, всё же, вести себя с нею надо осторожно, задобрить не мешает. А, вдруг, и в правду, вздумают в Сибирь выселить? – У неё аж мурашки по спине пробежали от одной этой мысли. – Авось словечко доброе и замолвит... Хоть она и работала на нас, а всё ж мы её не раз выручали, то одно, то другое, и покормим всегда, да кусок самый лучший съём.»

– Бери ещё, бери, Мария, не стесняйся, – добавила она, видя, как Мария уплетает за обе щёки копчёнку, и ещё кусок добавила ей.

– Мы пойдём, мать, встал из-за стола Алфред. – Время не ждёт. – Сыны тоже встали и гурьбой вышли на улицу.

Мария ворошила вчерашнее, уже основательно подсохшее, сено, поглядывала, как Алфред с сыновьями взмахивают косами, оставляя позади себя ровные ряды скошенной травы. «Да, столько мужиков в доме – это сила! Они так несколько дней поработают и сена на зиму у них будет с избытком. Ещё и продать часть смогут, -думала она. -Господи, когда же Володя-то домой приедет? Измучилась, ведь, совсем! Хорошо, хоть молока в груди много, можно отцедить, а так пришлось бы сыночка с собой таскать... Как он там? Может, мама вышла куда, а он кричит, надрывается? – Ей невыносимо захотелось бросить грабли и бежать домой. —

Нельзя, нельзя! – Остудила она себя. – Они, ведь, так нас выручили! А чем я ещё их могу отблагодарить, чем?

И так они, какие добрые, угостят каждый раз чем-нибудь вкусненьким, – она вспомнила, как приятно пахла можжевельником копчёнка, какая была мягкая, прямо таяла во рту; проглотила набежавшую слюну и тут же почувствовала стыд, подумав: – А я, вообще-то, совсем бессовестная, только позовут к столу, и прусь сразу... Но, с другой стороны, у них, ведь, всего вдоволь, что им стоит лишний кусочек для меня отжалеть? Да и тётя Юзефа всегда так ласково смотрит, так приглашает, что неловко и отказывать... Да и душой надо быть, чтобы такой случай упускать, не до стыдливости тут, когда над каждым куском хлеба трясёшься»...

Мария ворошила и ворошила сено, чувствуя, как намокло от пота и липнет к телу платье, как пот струйкой течёт по ложбинке между грудей. Они стали тяжёлые, набухли от молока. «Покормить бы сыночка сейчас, – тоскливо подумала она. – Хватит ли ему молочка до вечера?» Солнце разошлось вовсю, жарило так, что всё время тянуло пить, напившись, обливались потом, боролись с жаждой, но долго не выдерживали и опять шли к ведру с водой, стоявшему в тенёчке.

Изредка по ослепительно-голубому небу проплывали небольшие белые и кудрявые облака, заливался жаворонок, вовсю стрекотали кузнечики.

– Пап, пойдём искупаемся, а? – Предложил Вилис, наступавший отцу на пятки, видя, что у отца голая спина стала красной от солнца и блестит, как лакированная. – Тяжело работать, коса быстро садится.

– Ладно, пойдём, -согласился Алфред, – искупаться и впрямь не лишне, сопрели совсем. – Они воткнули косы кружком и пошли на озеро. «Смотри ты, даже близняшки бредут, опустив головы, – подумал Алфред, чуть заметно усмехаясь, – нажарились на солнце, не до беготни. Да, денёк сегодня – дай Бог поvek! Постоит так недельку, сена будет вволюшку. Эх, сейчас бы можно было так развернуться, первым хозяином в волости стать!

Сыны силу набирают... Голодранцев кругом – сколько хочешь, хоть дюжину батраков можно было бы набрать... Да, разве, дадут? Поговаривают уже о колхозах, глядишь, скоро и землю обрежут, да и, не дай Бог, ещё и в Сибирь выселят...» -Алфред почувствовал, как в грудь заползает глухая, тяжкая злоба. К «лесным братьям» податься, что ли? Да ну, что я там на одной ноге делать буду? Да и дураком надо быть, чтобы с ними связываться. Немец ничего не смог сделать, а эти, и подавно... Рано или поздно, но их всех переловят, постреляют, и баста!» -Алфред посидел некоторое время на берегу, задумчиво глядя, как сыны резвятся в воде, посверкивая ягодицами, потом стащил с себя штаны и тоже полез в тёплую, как парное молоко, воду. Она так приятно ласкала перегретое тело, что даже сердце млело.

Играли солнечные блики на воде, садились на тростник стрекозы, еле уловимый ветерок слегка рябил воду... Алфред выбрался на берег, отстегнул деревянный протез, долго растирал руками натруженную культу.

– Вылезайте, черти! – Крикнул он не в меру расшалившимся сыновьям.

– Ну, пап, ещё немножко! – Взмолился Вацлав.

– Ладно, Бог с вами, – махнул рукой Алфред и откинулся на спину, крепко зажмурил глаза. – " Что делать? Что делать-то? – Лезли в голову беспокойные мысли. – А что тут сделаешь? Будем жить, пока можно, а дальше посмотрим, там видно будет.»

Неожиданно его мысли прыгнули в сторону. Вспомнилась невысокая статная фигура Марии, её тёмные, вьющиеся волосы, тугая, крепкая грудь, втянутый живот. «Да, справная баба стала, всё при ней, ничего не скажешь... А глаза какие синие... – Алфред ещё сильнее сжал веки, чувствуя, как тело наливается свинцовой истомой. – Тьфу, чёрт, взбесился на старости лет, старый дурак!» – ругнул он себя.

Вспомнилось рябоватое невзрачное лицо жены. Хоть и нажил с нею четырёх сыновей, а, всё ж, сладости от неё не знал. Не умела она приласкать, разжечь так, чтобы туман ударил в голову, вечно лежала, как колода, покорная, но и равнодушная. Алфред резко качнул туловищем и сел, стал пристёгивать высохший протез.

– Вылезайте, хватит, пора за дело браться! – Крикнул он сынам, натягивая штаны.

ЧАСТЬ 4

Ян Закис, сын дяди Августа и тёти Марты, уже целую неделю жил дома. Каждый день он, хмельной, и от самогонки, с которой приходили навещать его соседи, и от радости, что, наконец-то, вернулся домой, и что теперь не надо подчиняться суровым порядкам воинской службы, помогал родителям по хозяйству; подлатал крышу, отремонтировал загородку для поросёнка, понемногу подкашивал и сушил огрубевшую траву. Ничего, хоть и август, поздно-вато сеном заниматься, а, всё ж, корм, зимой и такой пригодится...

Вчера прибежала Мара, дочка Дубры, жившего на хуторе, километрах в трёх от них. Она поздоровалась с ним, опуская глаза и заливаясь жарким румянцем, и, после короткого бес-связного разговора, пригласила его к ним на вечеринку, говорила, что будет много девушек и парней, гармонист хороший придёт.

– Так приходите, да? Обещаете? – Под конец спросила она.

– Приду! – Пообещал, улыбаясь, Ян.

– Я буду ждать, – тихо проговорила она, жадно всматриваясь в его лицо зеленоватыми глазами, покраснела и умчалась, только развеялся подол ситцевого платья и била по спине длинная светлая коса.

После трёх часов дня Ян принялся собираться на вечеринку: тщательно выгладил форму тяжеленным, дымящимся от углей, утюгом, надраил многочисленные награды, побрился уже порядком сточенной опасной бритвой, подрезал коротенькие щегольские усики, надраил до блеска сапоги, сжал их к каблукам гармошкой, напоследок он критически осмотрел себя в висевшем на стене, пожелтевшем от времени, зеркале и остался вполне доволен своим видом.

Он засунул в карман галифе бутылку самогонки (ибо какая же вечеринка без самогонки?), вытащил из вещмешка финку, потрогал пальцем лезвие и спрятал в голенище сапога. «Надо будет раздобыть у соседей хоть пистолет, что ли? – подумал он. – Опасно так далеко ходить без оружия. И когда только «ястребки» с этими проклятыми «братьями» разделаются? – В груди стало как-то тревожно, наслышался за эти дни Ян рассказов о зверствах банды Медведя. «А, была-ни была!, что я, в самом деле, у себя дома ещё должен трястись за свою шкуру?» – Обозлился он.

К хутору Дубры Ян подошёл около шести часов вечера. Ещё издали послышались звуки гармошки, и он всё убыстрял и убыстрял шаги, подгоняемый нетерпением, ожиданием чего-то необычного, волнующего.

Его встретили приветственными криками, жали руку, хлопали по плечу, разглядывали и восхищались его тремя орденами и многими медалями, девушки боязливо притрагивались к его нашивкам за ранения. Парни уже были под хмельком, у них раскраснелись лица, сверкали глаза, разговоры стали громкими и хвастливыми.

В этот вечер много танцевали. Ян был, конечно, героем дня. Девушки наперебой приглашали его танцевать, смотрели на него восхищёнными глазами. Куда было до него остальным парням, в основном малолеткам, которым ещё предстояло отслужить в Армии, которые не нюхали пороха, не имели наград...

Когда стемнело, все перебрались в избу, плясали при свете керосиновой лампы и самодельных свечей, принесенных с собой многими гостями.

Только что кончился танец. Ян, запыхавшийся, потный, совершенно счастливый, непрерывно улыбающийся, шлёпнулся с разгону на скамейку рядом с Марой, замороженно смотревшей на него откровенно влюблёнными глазами, взял её за руку и принялся нащёптывать

ей на ухо всякие милые глупости, от чего та то и дело стыдливо опускала глаза и вспыхивала румянцем.

Во дворе залаяла собака. Но в избе стоял шум и гам от громких разговоров и, то и дело, вспыхивающего смеха, поэтому на лай не обратили внимания. Внезапно дверь распахнулась и в избу ввалились пять бандитов. Дула их «шмайссеров» нацелены на людей. Стало тихо... Все замерли на местах, не в силах шевельнуться от неожиданности.

– Добрый вечер! – Громко сказал Медведь и ласково улыбнулся. – О, как вас много, и все молодые, красивые! – Обвёл он глазами насмерть перепуганных девушек, разом побелевших. – А вы чего рты пораскрывали? – Насмешливо спросил он, оглядывая по очереди парней.

Вдруг он вздрогнул, пропала улыбка. – Вот это да! – Протянул Медведь. – Смотрите, братья, какая птичка к нам в руки попала! – Глаза его впелись в лицо Яна. – А побрякушек сколько нацепил! И блестят все! Ещё один вояка домой вернулся! – Он медленно пошёл к Яну, пошевеливая широченными плечами. От него шарахались в сторону.

Вокруг Яна образовалась пустота.

– Ну что, вояка, страшно стало? – Улыбнулся зловещей улыбкой Медведь. – Ишь, побелел-то как! И ты думал, что всё, отвоевался, теперь райская жизнь пойдёт? А? Я тебе покажу райскую жизнь, падла! – Он резко ударил Яна в солнечное сплетение. От нестерпимой боли тот согнулся и упал на скамейку. Медведь подождал, пока Ян очухается, взял его здоровенной пятернёй за шиворот и поставил на ноги.

– Ну, что мне с тобой сделать? – Прошипел Медведь, вплотную приблизив своё лицо к лицу Яна, потом отпустил его гимнастёрку и, с размаху, ударил его опять в живот.

Ян снова упал на скамейку, потряс головой, приходя в себя, чувствуя, как от боли темнеет в глазах. «Ну погоди, гад! – Мелькнуло в голове. – Только не спеши! – Остудил он себя. – Пусть покуражится!» Он застонал, сгибаясь в клубок. Медведь засмеялся, обвёл торжествующими глазами людей. Рука Яна в это время скользнула за голенище сапога. Он стремительно разогнулся и прыгнул вперёд. В последнее мгновение Медведь заметил блеснувшее лезвие финки, вскинул автомат, но было поздно: Ян вонзил финку ему в живот и рванул с неистовой силой вверх. Медведь утробно заревел, хватаясь руками за живот. Гулко упал на пол автомат, обнажились окровавленные внутренности. Девушки пронзительно завизжали от ужаса. Их крик перекрыли автоматные очереди.

Ян мгновенно умер, буквально изрешечённый пулями. Медведь косо, зажимая руками выпиравшие окровавленные внутренности, рухнул на пол, заелозил ногами в огромных сапогах. От его дикого звериного рёва волосы вставали дыбом.

– Братья, спасите... сделайте что-нибудь, – прохрипел он, обрывая крик, и опять завыл, не в силах сдержать невыносимую, обжигающую боль. Бандиты растерянно топтались около него, не зная, что делать.

– Хозяева! Бинты! Живо! -рявкнул один из них, тонкий и высокий, с курчавой чёрной бородой.

– Ннет у ннас ббинтов, – заикаясь от страха, ответила, белая, как мел, мать Мары.

– Простынь, материю чистую! Ну! Пристрелю! – Заорал, багровея от натуги бородатый. Хозяева скрылись в спальне, притащили кусок чистого полотна. Бородатый выхватил его и склонился над Медведем, не зная, с чего начать. Внезапно крик оборвался. Медведь дёрнул несколько раз ногами и затих. Бородатый выронил материю, вскинул автомат и заорал, скаля жёлтые, прокуренные зубы: —

– Всех перестреляю! -Дальше посыпался длинный ряд отборной матерщины и прогрела короткая очередь. Ещё несколько человек упали, скошенные пулями. Опять пронзительно завизжали девушки. Бандит со шрамом ударил автоматом со спины по шее бородатого, тот ткнулся лицом в ноги Медведя.

– С ума сошёл, идиот! – Процедил сквозь зубы Меченый. – Всех не перестреляешь, тогда сами с голоду сдохнем! Волоките их на улицу...

Утро обещало быть погожим, светило солнце, дул несильный ветерок, но, постепенно, небо затянуло плотными серыми облаками, спустя время, ветер угнал их. На смену им приплыли низкие, тёмные тучи, нависли хмуро над головой, закрапал мелкий дождик.

Мария торопливо выкапывала лопатой картошку, стараясь брать те гнёзда, где ботва уже завяла и пожелтела. С минуты на минуту дождь мог стать сильнее, не хотелось, всё же, вымокнуть до нитки.

Послышалось ворчание Тузика, затем он зарычал и залился злобным лаем. «Кто-то чужой пожаловал! – Тревожно подумала Мария. На соседей пёс так не лаял. Он, обычно в таких случаях, несколько раз гавкал для порядка и спокойно ложился на землю, продолжая только следить добродушными, в общем-то, глазами. «Ладно, хватит на обед», – решила Мария и заторопилась с корзиной к хате.

Ещё издали она заметила, что во дворе стоит мужчина в военной форме, что-то в его фигуре показалось ей знакомым. «Господи, неужели, Володя?» – Мелькнула мысль.

Она почти бежала с тяжёлой корзиной в руке, чувствуя, как сердце гулко колотится в груди, задыхаясь от волнения и радостного предчувствия. Тузик, увидев Марию, перестал лаять и завил хвостом.

Мужчина обернулся, взглядывался несколько мгновений, и, вдруг, широкая улыбка расплылась на его лице.

– Володя! – Прошептала вздрагивающими губами Мария, выронила корзину, покати-лась по траве картошка. Она шла к нему, чувствуя, как слабеют ноги, как сердце бьётся где-то у самого горла...

Владислав подбежал к ней, обхватил руками, прижал к груди её растрёпанную голову. Мария замерла, не в силах вымолвить ни слова, слыша, как громко и сильно стучит его сердце.

– Володя... милый... родной мой... если бы ты знал, как я тебя ждала! – Шептала она жаркими губами, катились по щекам неудержимые слёзы.

– Зачем же ты плачешь? – Спросил он, отстранив руками её голову, взглядываясь в её лицо. – Я же вернулся... живой... здоровый, а ты плачешь!

– Это от радости... милый... милый мой! – Они долго целовались, не в силах разжать объятия.

Мать, встревоженная лаем Тузика, открыла дверь, выглянула во двор. Увидев дочь, замершую в объятиях чужого мужчины, несколько минут молча смотрела на них, затем тихо прикрыла дверь. Они ничего не заметили, в эти мгновения они ничего не могли видеть...

– Езус! Мария! Наконец-то он вернулся! Приехал! – Шептала мать, улыбаясь.

– Слышишь, Робчик, внучек мой миленький, папка твой приехал! – Бормотала она и, взяв младенца на руки, закружила его по комнате. Малыш тарасил глазёнки и улыбался, показывая розовые дёсны. – Ну, теперь мы заживём! Мужчина появился в доме! Теперь-то мы встанем на ноги!

Мария оторвалась от Владислава, долго всматривалась в его голубые глаза, опущенные длинными светлыми ресницами, наконец спохватилась: – Ой, что же это я тебя у порога-то держу! Пойдём в дом! Ты же ещё сыночка нашего не видел! – Владислав нагнулся, поднял с травы вещмешок и, обняв Марию за талию, пошёл с нею в избу. Они так вместе, в обнимку, и вошли. Мать стояла у печи и держала внука на руках.

– Здравствуйте, мама, – смущённо проговорил Владислав, опустив вещмешок на пол и стаскивая с головы пилотку.

– Здравствуй, сынок! – С акцентом, по-русски, ответила мать. Мария подошла к ней и бережно взяла на руки малыша.

– Вот он, сыночек наш, смотри! – Вся светясь безмерным счастьем, сказала она. Владислав подошёл, склонился над сыном, долго смотрел на его личико, по лицу отца скользила ласковая улыбка. Малыш скользнул по лицу отца безразличным взглядом, потом посмотрел на маму и, вдруг, требовательно закричал, его крохотное личико сморщилось и побагровело от натуги.

– Кушать хочешь, мой миленький! – Нежно сказала Мария и пошла к кровати, на ходу растёгивая на груди пуговицы. Она присела, освободила грудь и придвинула к ней лицо младенца. Он моментально замолк, вцепился губками за сосок и жадно зачмокал, закрыв глаза.

Владислав стоял рядом и неуклюже топтался на месте. Ему хотелось сесть рядом с Марией и, в то же время, он, почему-то, не решался это сделать. Мать хлопотала у печи, готовя обед в честь такого долгожданного гостя. Наконец малыш насытился, выпустил сосок и, тут же, уснул, засопел успокоенно носом.

Мария бережно положила его на кровать.

– Как ты нас нашёл? – Спросила она, покончив со всеми хлопотами.

– У, язык до Киева доведёт! – Засмеялся Владислав, я, ведь, разведчик, – и стал рассказывать про свои дорожные приключения.

– Маша, идите кушать. – Позвала мать.

– Мне бы умыться, – сказал Владислав. – Пропылился я насквозь.

– Пойдём на улицу, я тебе там полью, – потянула его за руку Мария.

Она поливала ему из кружки, смеясь, когда он очень забавно фыркал, смотрела с нежностью, затопившей грудь, на его худую спину с выпирающими позвонками, на короткие светлые волосы. Под конец она подняла ведро, в котором осталась половина воды, и вылила ему на спину. Владислав вскрикнул и задохнулся от холодной воды, потом рассмеялся: – Ух ты! Прямо дух захватило!

Они уселись за стол. Владислав достал из вещмешка платок в подарок матери и платье для Марии.

– Спасибо, сынок, – растрогалась мать, покрывая плечи платком.

– Ой, какое красивое! – Воскликнула Мария, рассматривая платье заблестевшими глазами.

– Ты примерь, Машенька, а то я всё время боялся, вдруг тебе не подойдёт. Мария убежала в спальню и вскоре вернулась в новом платье. Оно оказалось длинноватым и слегка широким в талии.

– Красивое платье, – одобрила мать. Владислав смотрел влюблёнными глазами на зардевшееся лицо жены, на ямочки на её щеках, появляющиеся, когда она смеялась.

Мария повертелась перед ними и хотела было уйти, чтобы снять подарок, но Владислав попросил: – Побудь в нём, не снимай, – и она осталась.

Он вынимал всё подряд, что было в его вещмешке: и сахар, и тушёнку, и две буханки хлеба, и длинный кусок копчёной колбасы, и три фляги водки, складывал всё это на стол. Мария с матерью радовались подаркам, как дети, не переставая улыбаться.

– Давайте выпьем за встречу! – Сказал Владислав, уже немножко освоившийся на новом месте.

– Мне нельзя, Володя, я же, грудью кормлю. – Отказалась Мария.

– Мы, тогда, с мамой выпьем, – Владиславу было трудно и непривычно называть эту совершенно чужую для него женщину матерью, но очень хотелось порадовать этим Машу. Мать принесла кружки. Владислав плеснул в них водки, чокнулся с матерью и произнёс тост:

– За нашу встречу! За нашего сына! За мир!

– За это надо и мне выпить! – Храбро заявила Мария. Владислав поискал глазами по столу в поисках кружки.

– Дай мне свою, – попросила Мария. Владислав протянул ей кружку, она сделала маленький глоток и вернула кружку ему.

Мать тоже только пригубила и отставила кружку. Владислав выпил водку крупными глотками и жадно стал есть горячую картошку с порезанными на несколько частей зелёными огурцами, только сейчас почувствовав, насколько он голоден. Затем он хотел налить себе ещё водки, но Мария накрыла его руку своей рукой и молча взглянула на него такими умоляющими глазами, что Владислав сразу отложил флягу.

Они лежали в кровати, судорожно прильнув друг к другу. Владислав ненасытно целовал и ласкал её, чувствуя, как от желания бешено стучит сердце и тело наливается каменной тяжестью. Он прильнул к её груди, поцеловал сосок и почувствовал на губах что-то тёплое и мокрое, имеющее какой-то непонятный вкус.

– Ой! – Вскрикнул он. Она поняла и тихонько засмеялась: – Вот и ты моего молочка попробовал! – Прошептала она тихонько ему в ухо и больно прижала к себе его голову. Он услышал её горячее, прерывистое дыхание, отдавшееся в нём ответной волной, давила на виски кровь, громко и часто билось сердце...

Они лежали, остывая, Владислав нежно гладил рукой её густые, пахнущие ромашкой волосы. – Как я тосковал по тебе! – Шептал он еле слышно. – Каждый день казался вечностью, издёргался совсем, измучился...

– И мне было очень плохо без тебя, миленький мой, – ответила она. – Ох, как трудно было! Две бабы в доме, что мы могли сделать? Как тяжело с едой зимой было! Даже соль – и то проблема, – она долго рассказывала ему про свою жизнь, про всё, что ей пришлось вынести в разлуке с ним. Её шёпот навевал дремоту. Веки его стали невыносимо тяжёлыми. Владислав изо всех сил старался внимательно слушать её рассказ, и, всё же, незаметно уснул.

Мария не сразу заметила, что он спит уже и не слушает её. Почему-то стало обидно, но она тут же подавила в себе это чувство, подумав: «Что это я? Ведь он очень устал, пока добрался к нам, может, несколько ночей не спал, а я обижаюсь...» Она прижалась к нему, положила голову ему на грудь, обняла крепко, прислушиваясь к спокойному дыханию мужа. Чувствовала запах табака и долго не могла уснуть; всё мечтала о том, как они теперь славно и дружно заживут, как постепенно встанут на ноги. Будущее рисовалось ей в самых радужных тонах...

ЧАСТЬ 5

На следующее утро пришёл дядя Август. Он поздоровался, помялся у дверей, чувствуя себя неуверенно, потом промямлил: – Пришёл, вот, хочу с твоим мужем познакомиться, Мария, всё ж, соседи, – Он вытащил из глубокого кармана широченных, залатанных на коленях, штанов бутылку самогонки, заткнутую сверху пробкой из скрученной старой газеты.

– Проходи к столу, Август, гостем будешь, – пригласила его мать и полезла с ухватом в печь, вытащила чугунный горшок с вареной картошкой, пересыпала её в глубокую керамическую миску и поставила на стол, достала несколько малосольных огурцов, порезала их на четыре дольки, поколебалась, жалко было, и, всё же, поставила на стол начатую банку американской тушёнки и пол-буханки хлеба. Владислав пришёл со двора и, увидев незнакомого человека, поздоровался, кивнув головой: – Доброе утро!

– Доброе утро! -Вскочил на ноги дядя Август.

– Володя, познакомься – это наш сосед, дядя Август, мы ему очень многим обязаны, он нам так помог, и с огородом, и вообще, – сказала Мария, державшая на руках притихшего сынишку. Владислав подошёл к Августу, протянул ему руку, быстро и сильно пожал её:

– Владислав Гринцевич.

– Август Закис, – пробормотал смешавшийся гость.

– Садитесь, завтракать будем, – пригласила мать. Владислав налил самогонку в кружки.

– За знакомство! – Предложил он и, чокнувшись с Августом, выпил, сморщился, схватил огурец и торопливо закусил, потом похвалил: – Крепкая, зараза! После выпитой самогонки разговор пошёл веселее; заговорили о насущных делах: об уборке урожая, о том, что ещё надо будет заготовить дрова на зиму и т. д.

– Август, может, ты знаешь, кто у меня тёлку купит поближе к зиме? – Встряла в мужской разговор мать. – Пока трава, подержу ещё, а когда снег ляжет, буду продавать. Хочу весной купить пару поросят, кур разведу побольше... У нас мужик появился в доме, теперь – заживём! – Гордо прибавила она. Владислав польщённо улыбнулся, опять налил самогонку в кружки. Выпили ещё по одной. Август долго жевал своими плохими зубами огурец, раздумывая, потом сказал: – Да теперь тёлку продать не трудно, у многих хозяев до сих пор нет коров, немец ограбил, найду я тебе покупателя, Мальвина, найду...

– Айвар письмо прислал, из госпиталя, -похвасталась Мальвина, – пишет, что приедет скоро в гости. – И, тут же, спохватилась, прикусила язык. У Августа сморщилось лицо, выкатились из глаз мутные старческие слезинки: – А ко мне никто больше не приедет... Янис, сыночек мой! – Вскрикнул он громко. – Убийцы! Изверги проклятые! Гады! Будьте вы прокляты! – Хрипло выкрикивал Август, потом упал головой на стол, забился в рыданиях.

– Август, пожалуйста, успокойся, – бросилась утешать его Мальвина. – На, выпей водички... легче станет, – протянула она ему кружку с водой. Август выпил воду, постукивая зубами об край кружки, потом тёмными, с потрескавшейся кожей, пальцами вытер слёзы и несколько минут сидел, глядя невидящими глазами в пол. – Старшего моего немцы убили... Он в партизанах был... А Янис, младший сын, вернулся домой, живой, невредимый... с фронта... вся грудь в наградах... Неделю всего пожил дома... Пошёл на вечеринку, его там... бандюги эти проклятые, «лесные братья», убиииили... -Опять заплакал он, – напряжённо глядя в зрачки Владиславу, который даже поёжился от этого взгляда, тяжело вздохнул, налил ещё самогонку в кружки и предложил: – Давайте выпьем за светлую память ваших сыновей!

– За это, сынок, грех не выпить! – Опять прослезился Август и тут же рассердился на себя за такую слабость. – Совсем, как баба, стал... – Сконфуженно пробормотал он, вытирая глаза, взял кружку и выпил остатки самогонки. Владислав тоже выпил, взглянул сожалеюще на пустое дно, встал и принёс флягу с водкой.

– Володя, может, хватит, а? Работы ещё много, – тихонько сказала ему Мария. Владислав, вдруг, помрачнел, стали злыми глаза: – Я сам знаю, когда хватит! – Отрубил он и налил в кружки водку... Провожать Августа Владислав пошёл в обнимку с ним. Их здорово водило со стороны в сторону. По дороге они несколько раз пытались затянуть песню, но это дело у них никак не получалось, не могли найти подходящую для обоих...

Вернулся домой Владислав только на следующее утро. Вид у него был помятый, лицо опухло, покраснели глаза. Он выдавил из себя виновато: – Извини, Маша, мы с Августом вчера так перепились... Я не мог вернуться домой... Мария, не спавшая всю ночь, посмотрела на него измученными глазами, промолчала, только слёзы покатались из глаз. Она молча пошла к сыну, закричавшему от голода, дала ему грудь, склонилась над ним, укачивая и успокаивая.

Владислав долго рылся в инструментах, оставшихся от хозяина, нашёл несколько старых напильников, почти два часа елозил ими успевшую заржаветь пилу- двухручку, потом точил брусом топор, расклинил рассохшееся топориче.

Работать ему было тяжело, он непрерывно потел, пот собирался в бровях, стекал по носу, Владислав то и дело встряхивал головой, сбрасывая висевшие на кончике носа капли. Его мутило, мучила жажда, за несколько часов он выпил чуть ли не пол-ведра воды.

Наконец, он приготовил пилу и топор к работе и пошёл в лес. До вечера он рубил топором ольху и берёзы, распиливал сваленные стволы на части. Пилить одному было неудобно, но, постепенно, он приловчился и дело пошло быстрее и лучше. Когда солнце повисло на горизонте большим малиновым шаром, он присел на сложенные в кучу брёвна, вытер лоб вздрагивающей рукой, долго сидел, остывая, затем закинул топор на плечо, взял пилу и поплёлся домой.

...Мария поливала ему на руки из кружки, смотрела на его мокрые от пота волосы, на гимнастёрку с налипшими кусочками коры, чувствуя, как уходит обида. «Ну ничего, – думала она, – подумаешь, напился. Он же мужчина, кто из них не пьёт... Столько лет пробыл в Армии, наконец-то вырвался на свободу, что он, и погулять не может? Главное, что вину свою чувствует... вон, как намаялся в лесу, гимнастёрка вся на спине мокрая...»

Потекли дни, похожие один на другой, заполненные тяжёлым трудом с раннего утра до позднего вечера. Владислав заготовил на зиму дрова, перетаскал в сарай сено, выкопал вместе с женщинами картошку под лопату, серпами сжали рожь и связали в снопы, поставили в сарай для окончательной досушки. Несколько раз ходили с женщинами в грибы, засолили на зиму небольшой бочонок.

«Лесные братья» последнее время притихли, не стало слышно про их похождения. Несколько раз их преследовали «ястребки», может быть, это они вынудили их уйти в более спокойные места... Мария иногда чувствовала, что от Владислава пахнет спиртным, но много он не пил, не шатался, только походка становилась более медленной, он тогда почти не разговаривал с нею, взгляд его становился каким-то странным, почти презрительным. В такие минуты он становился очень вспыльчивым, любое неосторожное слово могло его вывести из себя, и тогда он грубо разговаривал с нею, даже, иногда, кричал на неё. Мария быстро поняла это и старалась не трогать его. И ещё одну черту она в нём обнаружила, очень нехорошую: он не любил их ребёнка. За всё время, что они прожили вместе, Владислав не взял Робчика на руки, ни разу! Ни разу на его лице она не увидела нежности или ласки, когда он смотрел на их сына! Если ночью их будил плач малыша и она вставала, чтобы покормить Робчика, Владислав зло бурчал что-то себе под нос и натягивал одеяло на голову, чтобы быстрее уснуть. «А я то думала, что хорошо знаю его, – часто размышляла Мария. – Каким он казался хорошим, ласковым, какие удивительные были его глаза, когда он говорил о своей любви!.. Прошло всего несколько месяцев, и он совсем другой... А другой ли? Может, он всегда был таким?»

Просто он хотел добиться своего, хотел, чтобы я принадлежала ему... И добился... Теперь не обязательно быть хорошим? Так что же получается? Неужели это была игра? Неужели он строил из себя такого хорошего, чтобы заставить меня влюбиться в него?.. Да нет же! Он любит меня! По крайней мере – любил! Но почему? Почему он стал другим? Разлюбил? Или меня не за что любить?.. Конечно, когда с утра и до ночи приходится работать, чтобы свести концы с концами и устаёшь, как собака, не очень это способствует нежным чувствам... Но, что же поделаешь? Жить-то, надо! Кому сейчас легко? Время такое тяжёлое»...

Марию утомляли эти мысли, портили настроение, и она с головой окуналась в работу, чтобы забыться, не думать об этом. Айвар, хоть и обещал в письмах, что скоро приедет в гости, всё не приезжал. О Язепе и Донате по-прежнему не было никаких известий. Мать всё чаще заводила разговоры о них, гадала об их судьбе, плакала...

...Владислав с каждым днём становился всё более раздражительным и мрачным. Он никак не мог привыкнуть к этой деревенской жизни, к тяжёлой работе, к непонятному и смешному языку латгальцев, к жизни при свете керосиновой лампы; когда нет ни книг, ни газет, когда надоедливо кричит этот ребёнок, его сын. Он искал в своей душе любовь к нему, и не находил. Умом он понимал, что это его ребёнок, он очень похож на него, Владислава, когда он был в таком же возрасте... Владислав очень хорошо помнил свою детскую фотографию, но, сердцем, принять не мог! Он, по-прежнему, был для него чужой! Владислав понимал, что это – очень плохо!

«Я, что? Урод, что ли» – Часто думал он, и это его бесило, но он ничего не мог поделать с этим. Это было сильнее его. Странно и непонятно ему было смотреть, как Мария кормит его, вся светлея лицом, лопоча тихие и нежные слова, как она стирает обмаранные им, их сыном, и обрисанные пелёнки... Он представлял себе, как бы он стирал такие пелёнки... И его передёргивало, даже тошнило, при одной мысли об этом. Первое время он, в охотку, работал, хотел, чтобы Мария радовалась, глядя на его работу, хотел обеспечить хозяйство всем необходимым на зиму. За время их разлуки он очень соскучился по Марии, и первые дни был ненасытным, ласковым, но, постепенно, успокоился. Всё реже ему хотелось приласкать её, поцеловать, сказать нежные слова.

С каждым днём ему всё труднее было работать. Впервые настоящий физический труд, работу до ломоты в костях, до красных кругов перед глазами, до едкого пота, заливающего глаза, от которого жжёт лицо, он узнал только на фронте... Но, то был фронт, от этого, зачистую, зависела жизнь. А кто не хочет жить?.. До войны было детство, школа, техникум, жизнь в Колпино, пригороде Ленинграда... Он был ещё подростком, когда его родители развелись. Они были из дворянских семей, мать смирилась с режимом большевиков, а отец не смог. Точно неизвестно, каким образом он оказался за границей, во Франции, в Париже... Но и там его жизнь не сложилась. Он всё больше и больше тосковал по Родине, и в 1937 году вернулся в Россию. В Париже друзья ему говорили: – Антон, ты с ума сошёл? Что ты делаешь? Сталин же тебя расстреляет! – Он отвечал им:– Ну и что? Зато умру в России!..

На свободе, в Ленинграде, он прожил, примерно, пол-года, потом его арестовали, объявив французским шпионом. Он исчез бесследно... Владислав рос у деда, отца мамы. Воспитывали его жёстко, часто били ремнём за провинности, летом отправляли к родственникам, в Ашхабад. Любви и нежности мамы он не знал, эта красивая женщина, бывшая фрейлина последней российской императрицы, жила своей жизнью, а сын был досадной помехой в этой жизни... Отбыв три года в Армии перед войной, сразу же оказался на фронте, пробыл в окопах все четыре года, даже больше, демобилизовали его в начале осени 1945 года. А теперь он оказался в этой далёкой и непонятной Латгалии, на глухом хуторе, с головой окунулся в работу, в нелёг-

кую, крестьянскую работу... Что толкнуло его на это? Он считал, что – любовь, любовь безрассудная и властная к простой, малограмотной, деревенской девушке... Он был готов на всё, лишь бы быть с нею рядом, лишь бы она принадлежала ему!

...Шли месяцы. Каждый день приходилось рано вставать и... работать, работать, работать! А она, работа эта, всё не кончалась, и всё труднее было заставлять себя браться за неё. Иногда он ловил себя на том, что разглядывает свою жену какими-то чужими, равнодушными глазами, видит её посеревшее от пыли лицо, растрёпанные волосы, ветхое, в заплатах, платье. «Господи, да люблю ли я её? – Спрашивал он себя. – Неужели я только вообразил себе это?» Эти мысли пугали его и он начинал убеждать себя, что это- неправда, что он любит её, что именно из-за любви к ней он приехал в эту проклятую дыру и вкалывает здесь, как вол, без отдыха... Теперь только водка возвращала радостное настроение, сознание собственной значимости, давала возможность забыться, хоть на время уйти от повседневных забот; но и делала его болезненно обидчивым и ранимым, вспыльчивым... В каждом слове ему мерещился скрытый, обидный, смысл, и тогда он мог сказать любую гадость, даже – ударить... Иногда у него чесалась рука вмазать оплеуху Марии только за то, что она заметила, что он – выпил... От этого её лицо становилось обиженным, а сама она замыкалась в себе и возилась с этим крикуном Робкой, не обращая на него, её мужа, внимания!

ЧАСТЬ 6

Айвар погостил ещё пару дней и собрался уезжать. Владислав сходил к дяде Августу и договорился с ним, чтобы тот отвёз Айвара на железнодорожную станцию. На дорогу мать напекла сыну пирожков. Не дрогнувшей рукой снесла топором молодому петушку голову и стушила в печке с картошкой и морковкой. За хлопотами незаметно подошло время прощания. Дядя Август, румяный от самогонки и крепкого мороза, ввалился в хату, поздоровался со всеми за руку и, сходу, начал поторапливать: – Собирай, мать, сына в дорогу, да побыстрей, у меня путь дальний, как бы на обратной дороге волки не сожрали вместе с моей конягой. Мать вышла за сыном на улицу, на ходу застёгивая полушубок. Айвар пожал руку Владиславу, обнял и поцеловал в обе щёки Марию и повернулся к матери: – Ну, до свидания, мама, спасибо тебе за всё! Приезжайте теперь вы к нам в гости! Он обнял её, прижал к своей груди, они замерли, потом он поцеловал её в губы.

У матери, вдруг, защемило сердце в груди, покатались слёзы по щекам: – Сыночек мой миленький! – Обхватила она руками его за шею, больно прижимая к себе. – Что же ты так быстро уезжаешь? Неужели я тебя больше не увижу? – Вскрикнула она.

– Ну что ты, мама! – Резко побледнел Айвар. – Как-будто хоронишь! Войну пережили, теперь будем жить! Перестань плакать, прошу тебя! – Гладил он рукой её по спине. Мать с трудом заставила себя оторвать руки от шеи сына и помогла ему укрыть ноги овчиной. Айвар долго махал им рукой из саней, они тоже в ответ...

Медленно тянулась зима с её короткими морозными и вьюжными днями и ночами... Керосин экономили и поэтому ложились рано. Владислав обычно долго не мог заснуть, лежал, уставив широко открытые глаза в потолок, прислушиваясь к погромыхиванию цепи, на которой была привязана собака, к шебуршанию мышей под полом. Иногда в лесу жутко выли волки, и тогда Тузик испуганно забивался в будку и сидел там, поджав хвост, не смея нос высунуть наружу.

...Тёлку мать продала, припрятала к весне деньги, собираясь купить пару поросят и кое-что из одежды. Владислав мучился от скуки и мечтал купить батарейный радиоприёмник, но мечта эта была пока недостижимой. Изредка он доставал в Сельсовете газеты, зачитывал их до дыр... Несколько раз за зиму простывал и болел Робчик. Ему делали отвары из лекарственных трав, поили его ими, грели его на печи. Он был очень капризным во время болезни, частенько плакал. У Владислава от его рёва даже голова начинала болеть и появлялось желание засунуть ему кляп в рот, лишь бы он замолчал. Проходили дни... Робчик выздоравливал, становился весёлым, лопотал, смеялся, показывая появившиеся первые зубки, пытался ползать...

ЧАСТЬ 7

...Каждую зиму, рано или поздно, сменяет весна. Пришла она и на их лесной хутор; согнала снег, просушила землю, одела берёзы в яркие зелёные сарафаны. Время зимнего отдыха закончилось. Опять все взрослые, с раннего утра до позднего вечера, копались на огороде, сажали картошку, морковь, чеснок, лук, капусту, огурцы и т. д. Робчик тоже ползал неподалёку, играл с Тузиком.

...Однажды, после обеда, Владислав куда-то ушёл, не сказав никому ни слова. Наступила ночь, а его всё не было. Мария выкупала сына, уложила его спать, присела рядом с матерью, штопавшей дырку на рукаве платья.

– Господи, мама, ну где он может быть, как ты думаешь? – Посмотрела она на маму измученными глазами.

– Маша, ну успокойся, пожалуйста, ничего с ним не случится, просто надоело лопатой махать, вот и подался, наверно, к Августу, и спит сейчас пьяный с ним в обнимку, – с усмешкой сказала мать, не отрывая глаз от иглы.

– А вдруг с ним что-нибудь случилось? Пойду искать! – Мария вскочила, набросила на плечи платок.

– Ты с ума сошла! Ну куда ты пойдёшь, на ночь глядя? – Схватила её за руку мать. – Ложись спать, завтра твой муженёк будет тут как тут, вот увидишь!

...Всю ночь Мария не могла сомкнуть глаз, разные ужасы приходили ей в голову: то она представляла себе, как его схватили «лесные братья» и замучили до смерти, то, вдруг, он сломал ногу и лежит на дороге, не в силах двигаться... Иногда она даже плакала, вжимаясь лицом в подушку, потом успокаивалась, отгоняя от себя эти дурацкие мысли, прислушиваясь к дыханию спящего сына. Мать тоже ворочалась на своей кровати, вздыхала, и ей не спалось... Владислав явился домой на следующий день к обеду, весь растрёпанный, с красноватыми глазами и опухшим лицом. От него за версту разило перегаром.

– Эх, Володя, Володя, – только и сказала Мария, укоризненно качая головой, и опять взялась за лопату.

– Что, Володя? Что? – Неожиданно взорвался он. – Я вам, что? Ишак? Батрака нашли бесплатного? А? Да катись она к чёртовой матери, эта работа! Не хочу! Не буду больше! – Мария удивлённо пожала плечами, вглядываясь в его лицо, будто видя впервые: – Не будешь, и не надо, никто тебя не заставляет. Это дело добровольное. Я думала, что ты – взрослый человек, а ты... Владислав открыл рот, хотел что-то сказать, но передумал, молча махнул рукой и поплёлся в хату. Он, не раздеваясь, даже не сняв сапоги, плюхнулся ничком на кровать, обхватил голову руками и затих... Несколько раз заходили женщины, кормили Робчика, посматривали на Владислава, тихо разговаривали.

– Ты, всё же, раздёнся, – потрясла мужа за плечо Мария, когда совсем стемнело. – Пора уже спать ложиться. Владислав промычал что-то нечленораздельное, провёл пятернёй по помятому лицу, побрёл на улицу. Когда он вернулся, Робчик уже крепко спал, вволю напозавшийся за день.

– Может, покушаешь? – Спросила Мария, причёсывая на ночь волосы.

– Не хочу! – Буркнул Владислав, и начал раздеваться. Мария легла рядом с ним, почувствовала, что он отчуждённо отодвинулся и спросила обиженно: – Что это на тебя опять нашло? Почему ты такой... чужой? Он помедлил несколько мгновений и заговорил: – Вот что, Мария... Я больше так не могу... Завтра же поеду в Ленинград, к матери, а оттуда поеду

в Ашхабад. Эта мысль у меня так засела в голове, что каждый день здесь, для меня – мука, понимаешь? Я тебе напишу и ты приедешь, да?

– Володя, ты, хотя бы, помнишь, что я – беременна?

– Ну, ничего, ведь приехать ты всё-равно сможешь?

– Как у тебя всё легко получается! – С горечью проговорила Мария. – Я боюсь туда ехать в таком состоянии, как ты понять не можешь?.. Нет, я туда не поеду!

– Как хочешь! – Со злой решимостью сказал Владислав. – А я, всё-равно, поеду туда! И если ты меня любишь, приедешь, ничего с тобой не случится!

...Мария из последних сил держалась, чтобы не разреветься, и не смогла, уткнулась лицом в подушку и затряслась в рыданиях.

– И что вы, бабы, так любите сырость разводить? – Язвительно спросил он. – Перестань! Это ничего не изменит! Я так решил! Всё! – Выплакавшись, Мария почувствовала облегчение: – Что ж, уезжай! Скатертью дорога! – И повернулась спиной к нему.

– До свидания, Маша, поеду, – сказал Владислав, набросив на плечо вещмешок.

– Володя, – на глазах у Марии заблестели слёзы, – я тебя прошу, не уезжай, не бросай меня... такую... Как же я, тут, одна? Без тебя? Володя?

– Нет, я не могу иначе... ты приедешь... я напишу...

Мария несколько мгновений молчала, силясь взять себя в руки. – Что ж, поезжай... Больше спрашивать не буду... – Он подошёл к ней, собираясь поцеловать. Она отстранилась: – Обойдётся! Уезжай! – И пошла в хату. Владислав постоял несколько секунд в раздумье, затем махнул рукой и пошёл...

Мария стояла за дверью, страстно желая, чтобы он вернулся, обнял её, сказал, что не уедет, останется, что любит её, не может без неё... Но вот его фигура показалась за окном. Он поднял на руки сидевшего на траве сына, прижал к себе, поцеловал в лобик, опустил на землю и пошёл, ни разу не оглянувшись... Мария зажала рукой рвущийся из груди крик и упала ничком, забила в рыданиях...

День выдался на редкость жаркий, безветренный, даже небо, вроде бы, поблекло от жары, выцвело. Мария полола сильно заросшие лебедой грядки, часто вытирала платком потное лицо и грудь. Мать только что ушла подоить корову. Мария взглянула вслед её мелькнувшему среди зелени светлому платку и опять опустила голову, задумалась. От Владислава до сих пор не было ни одного письма. Первые дни она не находила себе места от острой тоски по нём, от чувства, что она не нужна ему, что он бросил её, разлюбил...

Она ложилась в пустую, холодную постель, на простынь, хранившую его запах, вспоминала его сильные, волосатые руки, умевшие быть такими ласковыми и нежными... Обида на него, почему-то, быстро уходила, забывалась, и тогда она только жалела, что не уговорила его остаться... Зря она так гордо тогда себя повела, не захотела унизиться, упросить его, победить лаской и мольбами...

Но, вслед за этими мыслями, приходили другие, просыпалась её женская гордость и достоинство. «Ладно, пусть, – думала она. – Чёрт с тобой, если ты оказался таким, проживу, как-нибудь, и без тебя!» Она прислушивалась к новой, зародившейся в ней, жизни, порой довольно больно дававшей о себе знать. «Интересно, кто это будет, мальчик, или девочка? Братик, или сестричка, будет Робчику? – Часто думала она. Эту беременность она переносила хуже, чем первую. Её почти каждый день тошнило, совсем не было аппетита, она силой заставляла себя покушать, чтобы совсем не ослабнуть... Мария механически дёргала лебеду, совсем уйдя в свои мысли и, вдруг, почувствовала, как поплыла грядка перед глазами. Она упала

на бок и от удара пришла в себя, пошатываясь, встала на ноги. Земля качалась перед глазами. Мария с трудом добрела до сарая и прилегла в тени. Через некоторое время ей стало легче. «Нет, не буду вставать, – подумала она, – отдохну ещё, пусть совсем пройдёт».

– Что с тобой? – Испуганно спросила мать, вышедшая из-за сарая с Робчиком.

– Ничего, мама, слабость почувствовала, пройдёт, – успокаивающе ответила Мария и попросила: – Полей мне, хочу умыться, может, полегчает. Она с наслаждением умывала лицо холодной водой, чувствуя, как проясняется сознание, уходит тошнота и слабость. Напоследок она сполоснула водой дочерна загорелые руки и грудь.

– Спасибо, мама, – сказала она, взглянув в её глаза и воскликнула удивлённо, увидев в них слёзы: – Чего ты?

– Милая доченька, всхлипнула мама. – За что же тебе такое, а? Робчик на ноги только-только встал, второго под сердцем носишь... И одна осталась... Бросил он тебя...

– Почему бросил? – Неуверенно возразила Мария. – Он же говорил, что напишет... просил, чтобы я приехала...

– Мало ли что он говорил... надо же что-то сказать...

– Нет, мама, я верю, что он вернётся ко мне, вот увидишь! Вернётся! – Твёрдо сказала Мария и вздохнула: – Пойдём полоть.

Падали листья с деревьев, устилали землю багряно-жёлтым ковром. По ночам трава становилась седой от лёгкого морозца и потрескивала под ногами. Стаи птиц улетали на юг, посылая остающейся позади родной земле жалобные прощальные крики... Вот и сейчас Мария подняла голову, всматриваясь в пролетающую высоко в небе стаю уток. Грусть затопляла душу, вызывая, вроде бы, беспричинные слёзы. «Скоро зима, – подумала она. – Выпадет снег, укроет землю, начнутся морозы, и будем мы сидеть втроём в своей избе... Нет, не втроём, а вчетвером! – Усмехнулась она, опуская глаза вниз и взглянув на свой выпирающий живот. – Эх, Володя, Володя, неужели ты настолько подлый человек, что решился бросить меня в таком положении? Ведь скоро у меня будет двое детей, понимаешь ты? Двое!.. А, ведь, бросил! – Пришла трезвая и жестокая мысль. – Чуть ли не пол-года прошло, а он, ни одного, письма не прислал, ни одного!» Мария глубоко вдохнула холодный воздух и нажала ногой на вилы, приподняла и перевернула землю с забелевшими в ней белыми картофелинами. Мать проворно собрала их в корзины: мелкую в одну, крупную – в другую.

– Езус Мария! Хоть бы успеть выкопать картошку и бураки, убрать их в погреб, – вздохнув, сказала мать. – Вон как по ночам мороз поджимает! Вдруг закуёт землю... и пропадёт наш урожай! Будем зиму голодать!

– Мама, может, попросим дядю Августа, пусть он нам картошку плугом, а? – Предложила Мария.

– Ничего из этого, доченька, не получится, сама знаешь, как он пил последнее время, вряд ли свою картошку успеет выкопать, не до нашей ему...

– Давай, тогда Алфреда попросим... У него жеребец сильный...

– А чем рассчитывать будем? Нам же одежду покупать надо, совсем обносились, одно рваньё осталось. Нет, Маша, – решила мать. – Может, сами успеем. Не может быть, чтобы сильные морозы ударили, редко такое в наших краях бывает...

– Так, ведь, мама, если бы я, как следует, работать могла, мне же, через месяц-полтора рожать, – кивнула Мария на свой живот.

– Ничего, доченька, ты помаленьку, не напрягайся, не торопись... Мы уже половину картошки убрали, остальную, как-нибудь, уберём, бураков у нас не так уж и много, правда?

Тузик, лежавший около будки, поднял голову, потом вскочил на ноги и залился хриплым лаем. К их хутору скакал всадник.

– Добрый день! – Поздоровался он, останавливая коня. – Бог в помощь!

– Спасибо! – Отозвались женщины.

– Тётя Мальвина, тебе телеграмма, -сказал почтальон, соскакивая с коня. – Распишись в получении! – Мать вывела корявую закорючку карандашом, развернула телеграмму, медленно, по складам, прочитала текст, недоумённо посмотрела на Марию, и опять стала читать... потом, вдруг, вскрикнула, резко бледнея: – Езус Мария!

– Что случилось, мама? – Испуганно спросила Мария, увидев её изменившееся лицо.

– Айвар... Айвар... умер,.. -прошептала мать непослушными губами. Мария выхватила из её рук телеграмму и впиалась в текст: – «Умер Айвар Похороны десятого Приезжайте»

– Я пойду, – тихо сказал почтальон, пряча глаза, как-будто он был в чём-то виноват и пошёл пешком назад, ведя в поводу коня, отойдя подальше, он вскочил в седло и ускакал. У матери обессиленно подогнулись ноги, и она села на землю, даже не заметив этого.

– Езус! Мария! – Прошептала она. – Почему? За что? Господи! За какие грехи? В чём мы провинились перед тобой?.. Айвар! Сыночек мой родненький! Кровинушка моя! – Вскрикнула она и заплакала. Мария обняла её за шею и попросила: – Мама, миленькая, держись! – И у неё самой тут же задрожали губы и полились слёзы...

– Что будем делать, мама? – Спросила Мария, когда они вернулись в дом, заглядывая матери в глаза.

– Тебе надо оставаться дома, доченька, – помедлив, ответила мать. – Хозяйство не на кого оставить, Робчик маленький ещё, да и сама ты... вон какая, – кивнула мать на её живот. – Вдруг в дороге что случится? Что я тогда с тобой делать-то буду? – Мария обессиленно опустилась на табуретку, закрыла лицо руками и, неожиданно всхлипнув, выкрикнула: – Господи! Ну что за проклятая жизнь! Даже брата сама похоронить не могу!.. Айвар! Айвар! – Слёзы текли по её лицу. Робчик подошёл к ней, покачиваясь, как утёнок, уцепился ручонками за подол, посмотрел в лицо маме, сморщился и громко заревел.

– Маша, возьми себя в руки! – Строго приказала мать. – Не пугай ребёнка! Слышишь? – Мария посадила малыша к себе на колени, судорожно прижала к себе, стала покрывать его лицо поцелуями.

– Бросили нас с тобой, сыночек мой миленький, – бормотала она, всхлипывая. – И как мы жить будем? Не знаю...

Было ещё совсем темно, когда мать встала и принялась собираться в дорогу. Она надела чёрное платье и чёрные чулки, которые берегла для траурных дел, долго расчёсывала и заплетала косу, потом начала собирать продукты в дорогу. Мария, ещё растрёпанная после ночи, в одной ночной рубашке и ветхих валенках, обутой на босу ногу, помогала ей. Они уложили в вещмешок кусок солёного сала, солёные огурцы, вареную картошку в мундире, сваренную вечером, пару караваев хлеба. Потом мать спрятала подальше завернутые в платок деньги, поцеловала спящего внука, подошла к иконе, перекрестилась, пошептала молитву, сняла с гвоздя пальто. Повязав чёрный платок, она взялась за вещмешок. Мария помогла приладить его удобно на спине и проводила мать до дверей. Они троекратно поцеловались.

– Береги себя, мама, – прошептала Мария и всхлипнула, не в силах сдержать слёзы. Они постояли, обнявшись, прижимаясь друг к другу мокрыми лицами, наконец оторвались, вытерли слёзы.

– Смотри тут, Маша, – строго сказала мать. – И не реви много, у тебя дитё под сердцем, не забывай!

– Мамошка, поклонись за меня перед Айваром, да?

– Поклонюсь, – скорбно ответила мать.

...Вернулась мать домой спустя десять дней, почерневшая от горя, с воспалёнными от частых слёз глазами.

ЧАСТЬ 8

...Второго сына Мария родила в 1 час дня 17 ноября 1946 года. Гнал ветер по стылой земле мелкий редкий снежок, припорошивший накануне землю, обрывал последние листья с деревьев, жалобно поскрипывали голые ветви.

Стивриниха принесла туго закрученного в пелёнки младенца, положила рядом с Марией, присела на табуретку, сложив на коленях свои старческие руки со вздутыми венами и тонкой сморщенной кожей. Она долго смотрела на Марию, щуря подслеповато глаза, глубокая жалость светилась в них.

– Как же ты будешь одна с двумя детьми, доченька? – Спросила она, пришепётывая беззубым ртом.

– Как-нибудь буду, бабушка, – устало вздохнув, ответила Мария. – Даст Бог, выращу... Люди кругом, не дадут пропасть... Помогут...

– Так-то оно так, да тяжело тебе будет, милая, – рассудительно сказала повитуха. – Времена, нынче, тяжёлые, голодные... Вон, как в городах люди мучаются...

– Не одной мне тяжело, всем тяжело... Да это же не на всегда, придут и другие времена, будем лучше жить, чем сейчас...

– А мужик-то твой... Он тебя насовсем бросил, али как? – Осторожно спросила старушка и, тут же, увидев, как сердито нахмурилась Мария, поспешно добавила: – Да ты не сердись, доченька, если что не так сказала... Прости старуху, я не со зла... Любопытно мне...

– Да я не сержусь, – улыбка тронула губы Марии. – Я и сама не знаю, бабушка, – призналась она. – Уезжал, говорил, что возьмёт к себе, а сам ничего не пишет, ни одного письма не прислал...

Младенец, лежавший спокойно, с закрытыми глазами, сделал попытку пошевелиться, сморщился и громко заплакал, кривя губы. Мария села на кровати, взяла его на руки, прижала к груди, стала тихонько раскачиваться, вглядываясь в его сморщенное личико с небольшим, выделяющимся краснотой, пятном.

– Бабушка, это пятно... оно останется? – Тревожно спросила она.

– Нет, со временем пройдёт, и следа не останется, не бойся! – Успокоила её Стивриниха. Ребёнок, вскоре, успокоился, засопел носиком-пуговкой...

Мария опять вспомнила Владислава, подумала, что, вот, у неё и второй ребёнок родился на свет божий, а его отец даже не знает об этом. Может, даже, и думать про них забыл... И так ей обидно стало, что слёзы навернулись на глаза. Старушка пригрелась в тепле, задремала, голова её медленно клонилась вниз, она потеряла равновесие, и от этого вздрогнула, проснулась, улыбнулась смущённо:

– Фу ты, чуть не заснула... охти... Старость – не радость... Хорошо тут у вас, хоть ты домой не ходи...

– А ты и не ходи, бабушка, оставайся у нас, места всем хватит, – предложила Мария.

– Да нет, пойду, надо же моих курочек покормить, хоть их только три штуки осталось, а всё ж таки, живность, какая-никакая, – кряхтя, встала Стивриниха, потом склонилась, еле слышно поцеловала в лоб Марию сухими бескровными губами:

– Смотри, дочка, не болей, сыновей расти, они – твоё будущее, всегда кусок хлеба будет на старости лет.

– Спасибо тебе большое, бабушка, – ласково улыбнулась Мария.

– Да ладно... Чего там, – махнула рукой повитуха и заковыляла к дверям.

...Шло время. Каждый день с утра до вечера, Мария крутилась по хозяйству, как белка в колесе. Очень тяжело было с деньгами. Они постепенно таяли, несмотря на то, что мать ввела режим жёсткой экономии. Частенько даже пелёнки приходилось замачивать в воде, смешанной с печной золой, не было мыла. Правда, оно не всегда и было в магазине. Да и до магазина кусок изрядный, не выходило ходить туда часто.

...Постепенно, Мария всё реже вспоминала Владислава, черты его лица, как бы, затягивала слабая белесая пелена, с каждым ушедшим месяцем пелена становилась всё гуще. Приступила обида на него, тоска по нём. Главное – она не одна на белом свете! У неё есть мама, есть дети, два сына... Они – её радость, её счастье и горе, её веселье и грусть...

Пришёл день, когда младшенький, Лёня, сделал свои первые несколько шагов и, смеясь от счастья, упал на протянутые к нему руки Марии. Она, блестя радостными глазами, схватила его, прижала к груди, покрыла всё его личико поцелуями. И, тут же, от промелькнувшей мысли, помрачнела, прошептала горько:

– Вот и ты пошёл, мой маленький, а папка твой, не видел тебя даже, ни разу в жизни, понятия не имеет, как ты выглядишь, да и есть ли ты вообще!

Лёня рос более смелым и бесшабашным, чем Робчик, всё время куда-то спешил, торопливо переставлял свои слегка косолапёнькие ножки, спотыкался, падал, набивал себе шишки, громко ревел, потом всё повторялось... Вскоре он научился самостоятельно забираться на кровать и ему очень понравилось кувыркаться на покрывале, сшитом из разноцветных кусочков материи...

Однажды, он так разыгрался, что скатился к самому краю кровати и шлёпнулся на пол, лицом вниз, разбив себе нос. Сразу же потекла кровь. Лёня пронзительно закричал от боли и страха. Мария, мывшая в это время в корыте Робчика, опрометью бросилась на крик, подхватила перемазанного в крови Лёню, ахнула, взглянув ему в лицо, принялась торопливо вытирать полотенцем кровь, плача от жалости к нему, подвела к чугуну с тёплой водой, приготовленной, чтобы сполоснуть Робчика, вымыла Лёне лицо, усадила его на скамейку и пригрозила:

– Сиди здесь и не слезай, а то получишь от мамы по попе, понял? – Лёня ещё пуще разревелся, но, потом, видя, что мама занялась Робчиком, постепенно затих и заинтересованно следил, как мама малюсеньким кусочком тёмного мыла водила по спине и груди у брата и под её рукой появлялись красивые пузыри. Наконец, мама сполоснула Робчика чистой тёплой водой и завернула в льняное полотенце.

Скрипнула не смазанная дверь и на пороге показалась бабушка с подойником, в котором белело тёплое молоко. Лёня облизнулся и нетерпеливо заёрзал на скамейке. Потом не выдержал, сполз с неё и пошёл к бабушке, смотря на неё умоляющими глазами.

– Ах ты, мой миленький, молочка хочешь, – умилилась бабушка. – Сейчас, сейчас, внучек мой дорогой, вот только процежу, и налью тебе.

– Баба, я тозе молоцка хоцу, – подал свой голос Робчик, уже уложенный в постель.

– И тебе дам молочка, подожди немного, внучек. – Мать помогла Марии уложить детей, вдоволь напившихся молока, потом и сами сели ужинать. Мальвина достала чугунок с картошкой, поставила его на стол, налила в кружки молока и отрезала по краюхе хлеба.

– Мама, а у тебя... чего-нибудь покрепче... нет? – Неожиданно спросила дочь, не донеся до рта картофелину.

– В честь чего это? – Удивлённо спросила мать.

– А ты не помнишь? – Мать перебрала в уме костельные праздники, свой день рождения и Марии, недоумённо пожала плечами, взглянув ей в лицо. Мария вздохнула, укориз-

ненно покачала головой: – Мама, сегодня 17 июля... Мать непонимающе продолжала смотреть на дочь.

– Сегодня Робчику исполнилось три года, мама!

– Езус Мария! – всплеснула руками мать. – Вот голова дурная! Совсем забыла!.. Нет, доченька, ничего... такого... нет, увы! – Виновато улыбнулась она.

– Да я шучу, мама! Хотя, нет, давай, всё-таки, выпьем, чокнемся за здоровье Робчика! – Мария подняла кружку с молоком. Они чокнулись, выпили, Мария крикнула, сморщилась, понюхала хлеб.

– Да, крепка! – Засмеялась её выходке мать. – Прямо первачок!..

За окном краснели облака, подсвеченные ушедшим за горизонт солнцем, пронзительно свистели пронесившиеся высоко в воздухе ласточки, ловившие комаров, громко стрекотали кузнечики, еле шевелились под тихим ветерком ветви деревьев. Громко залаял во дворе Тузик и, тут же, стих.

– Чего это он? Пойду, посмотрю. Она открыла дверь и выглянула во двор. Тузик, виляя хвостом, став на задние лапы, пытался лизнуть в лицо какого-то мужчину. В следующее мгновение она узнала его. Это был... Владислав!

– Езус Мария! – Воскликнула мать. – Приехал! Вернулся! – Мария, как вкопанная, замерла за её спиной, не веря своим глазам, чувствуя, как кровь гулко ударяет в голову, сердце проваливается куда-то вниз...

Владислав сделал несколько неуверенных шагов, остановился, посмотрел им в глаза и пробормотал: – Здравствуйте!.. Приехал... вот... – Он пытался найти ещё какие-то слова, но ничего путного не пришло в голову. Речь, которую он приготовил в поезде, начисто забылась, и он потупился, разглядывая носки своих сапог.

Мать посмотрела на онемевшую от внезапно прихлынувшего счастья Марию, покачала укоризненно головой и, довольно сурово, буркнула:

– Что ж, заходи, гостем будешь... сынок! – Язвительные нотки явственно прозвучали в её голосе.

Владислав подошёл совсем близко к Марии, нагнулся, заглядывая ей в глаза:

– Машенька, – пробормотал он тихо и виновато, – прости меня, слышишь? Не могу я, оказывается, без тебя... Не выдержал, вот, приехал, прости, прошу тебя! – Он неуверенно взял её безвольно опущенную руку, пожал ласково, потом медленно поднёс её к губам и поцеловал. Мария как-то судорожно, не то всхлипнула, не то сильно вздохнула и, чувствуя, как подгибаются ноги, упала ему на грудь. Владислав обрадованно схватил её руками, сжал в объятиях, торопливо и жадно покрыл поцелуями её лицо.

– Перестань, не надо, – счастливо шептала Мария, делая слабые попытки вырваться. Мать посмотрела на них несколько секунд, плюнула со злости, круто повернулась и ушла в избу.

– Вот дура-то! Вот дура! – Бормотала она себе под нос, перебивая посуду. – Чёрт знает, где он пропадал эти два года, с какими бабами спал... Ни одного письма! Ни одного! А она... на тебе! Всё забыла сразу! Всё простила! Езус Мария! Ну и дочку вырастила! И в кого только? Я бы... ему показала!

– Проходи в избу, Володя, – сказала Мария, когда он выпустил её из объятий, поправила волосы дрожащими руками, шагнула за ним через порог и закрыла дверь. Владислав молча оглядывался по сторонам. После чистоты Ашхабадской квартиры тёмный потолок и оклеенные пожелтевшими старыми газетами стены избы показались ему ещё более невзрачными, чем были на самом деле. Он вздохнул, опустил на пол чемодан и присел на табуретку.

– Ты, наверно, кушать хочешь, а? Володя? – спохватилась Мария. – Мама, сделай ему что-нибудь...

– Нет уж, моя милая, сделай ему сама! – Отрезала мать, сверкнув на неё глазами. – Ты бы у него спросила сначала, где он пропадал эти годы, с какими бабами спал! А потом уж, ужин ему предлагала!

– Ну зачем ты так, мама? – Обиженно спросила Мария. – Мы уж, как-нибудь, сами разберёмся, не тебе же с ним жить, правда? – Мать открыла рот, собираясь что-то сказать, потом передумала, махнула молча рукой и ушла в комнату, закрыв за собой дверь.

Владислав проводил её глазами, заходили по скулам желваки, но сдержался, промолчал. Мария вывалила из горшка в миску последние картофелины, налила в кружку молока, положила рядом кусок хлеба: – Извини, ничего больше нет.

– Что ты, что ты! Хватит мне, не беспокойся! – Перебил её Владислав. Он молча ел, старательно жевал грубый ржаной хлеб, запивал молоком. Мария села на табуретку, сложила на коленях усталые руки, внимательно разглядывала его обветренное, сильно загорелое лицо с выгоревшими бровями и ресницами. Он почти не изменился за это время и, всё же, стал чужим. «Да, чужим, – поймала она себя на этой мысли. – Чужой мужчина!» – «С какими бабами спал! – вновь, явственно, услышала она недавние слова матери. «А, ведь, она права! – Безжалостно подумала Мария. – Ни единого письма не прислал! Где был, что делал? Ничего не знаю! А, только увидела его и обалдела от радости! Вот дура!» – Охватившее её ощущение счастья уходило, исчезало, как вода в сухой песок...

– Спасибо, Машенька! – Сказал Владислав, вытирая ладонью губы. Встал, посмотрел на неё, заметив, что её лицо как-то поблекло, растаял счастливый блеск глаз. Хотел спросить, почему, но передумал, только прислонился к стене рядом с ней и молча смотрел на неё. Мария очнулась от своих мыслей, поднялась:

– Иди, хоть на сыновей-то взгляни, отец! – Не смогла она скрыть иронии. Владислав почувствовал, как жар стыда охватил лицо. «Боже мой! А я, ведь, до сих пор не знал, что у меня второй сын родился! Стыд-то какой!» – Он вытер ладонью вспотевший лоб, низко склонил голову, пряча виноватые глаза. «Смотри ты! А краснеть ещё не разучился!» – С усмешкой подумала Мария.

– Пойдём, что же ты... замаялся, – потянула она его за рукав.

Они подошли к низкой кровати, на которой спали два мальчика, склонив друг к другу светлые головёнки. Остро пахло свежим сеном от недавно набитого матраца. Столько беззащитности было в позах разбросавшихся во сне братьев, что Владислав почувствовал, как нежность затопила грудь. Он до рези в глазах всматривался в их лица, потом склонился и поцеловал их головки.

– Как вы его назвали? – Спросил он, опять чувствуя, что краснеет и не может смотреть в глаза Марии.

– Леонидом, – ответила Мария, изо всех сил борясь с подымающейся в груди злостью. Ей очень захотелось его ударить, даже руки зачесались.

– Машенька, я понимаю, что виноват перед тобой... И перед ними... тоже. – Он с трудом выдавливал слова, – но что же теперь делать? ...Ну, ударь меня, а? Может, тебе легче станет... Теперь, ведь, не исправишь того, что случилось... Прости меня... Пожалуйста!.. Сначала я думал, что смогу жить без тебя... Очень злой на тебя был... А, потом, понял, что нет, не смогу... Не будет мне жизни без тебя, слышишь? Я люблю тебя, Машенька! Люблю! – Его слова становились всё жарче и жарче, Мария чувствовала, как от его слов у неё кружится голова, уходит злость и что-то сладкое сжимает сердце...

Он осторожно взял в ладони её голову, всматриваясь в глаза затуманенным от нежности взглядом.

– Я не могу без тебя, любимая, – еле слышно прошептал он и стал осыпать поцелуями её глаза, щёки, губы. Мария с изумлением почувствовала, как её собственные руки, помимо её воли, обхватили его шею, а губы уже ищут его губы.

«Господи, что же я делаю?» – Запоздало и обречённо подумала она, закрывая глаза, ощущая, какие же у него горячие и мягкие губы...

– Нет! – Вскрикнула она, почувствовав, как его рука гладит её грудь, и оттолкнула Владислава. – Не хочу! Так нельзя! Слышишь?

– Тише! – Усмехнулся он, – Мать услышит!

– Ты, вот, говоришь, что любишь, что не можешь без меня... Почему же ты почувствовал это только сейчас, когда два года прошло, а? – Спросила Мария.

– Видишь ли, сначала я был очень зол на тебя, за то, что ты отказалась ехать...

– Как я могла поехать с тобой, – перебила его она, – с маленьким ребёнком, беременная... к чёрту на кулички... Я что, сумасшедшая, что ли? Ну, ясно же, что сначала должен ехать мужчина, устроиться там, подготовить всё... А, уже потом, женщина, тем более, такая, как я...

– Ну, ладно, Маша, не будем спорить, – попросил Владислав, чувствуя, что она распалывается, а это ничего хорошего для него не сулило. Умом он понимал, что только лаской и нежностью одолеет её, что это – его самое сильное оружие:

– Прости меня! Прости, пожалуйста, я – очень виноват перед тобой. Я сам прекрасно понимаю это, – просил он, сжимая в ладонях её руки и целуя их.

– Не могу я тебя простить, понимаешь? Не могу! Ты – отец моих детей, а растила я их без тебя, одна! Ты думаешь – это легко? Посмотри, как мы живём! Оглянись кругом! Видишь? Мои дети не знают, что такое сахар! Мне не за что его купить! Ты, хоть раз, подумал о них? Подумал о том, что у тебя двое детей? Что они кушать хотят! Хоть раз ты прислал им деньги? А мне, часто, даже мыло купить было не за что, понимаешь? Я им пелёнки в золе стирала! – Вскрикнула она, чувствуя, что не в силах сдержать слёзы и они уже катятся по щекам.

– Тише, Машенька, детей разбудишь, пожалуйста, – просил Владислав, – ну, успокойся...

– Пусть просыпаются, пусть увидят, какое сокровище к ним приехало!

– Ну, успокойся, Машенька, пожалуйста!.. Вот увидишь, я буду совсем другим, честное слово! Тебе не придётся на меня обижаться! – Он ещё долго упрашивал её, гладил её вздрагивающие плечи, целовал... Кончилось это тем, что Мария успокоилась, перестала плакать. Она постелила ему на полу и, заметив, что он жалобно смотрит на неё, усмехнулась: – Ничего, обойдётся, поспишь и на полу!

Владислав долго не мог уснуть, смотрел на шевелящиеся тени на стене от веток под светом луны. Её свет был ярок, и в комнате было довольно светло. Он старался дышать ровно и глубоко, прикидывался спящим, чувствуя, что Мария не спит, крутится на кровати. Наконец, он незаметно задремал, а потом провалился в сон, сказала усталость от дальней дороги. Утром его разбудил стук в окно. Мария, возившаяся с завтраком на кухне, открыла дверь и впустила кого-то. Владислав услышал густой мужской голос, заговоривший по-латгальски. Как он ни прислушивался, не смог понять, о чём они говорят. Потом скрипнула дверь, мужчина ушёл.

– Что ему надо было? – Спросил Владислав, когда Мария заглянула в комнату.

ЧАСТЬ 9

– Давай, мать, ставь ужин на стол, есть хочу! – Скомандовал Дубра, вытирая вымытые руки.

– Сейчас, отец, сейчас, картошка уже сварилась, в самый раз будет, – ответила жена, полная невысокая женщина с круглым добрым лицом. Дубра неторопливо жевал, поглядывал через окно на садившееся красное солнце, на неподвижные берёзы, росшие недалеко от хлева. Он думал о завтрашнем дне, прикидывал, как лучше расставить людей, какие работы необходимо выполнить в первую очередь. Послышался лай собаки. Дубра привык, что к ним часто заходят и почти не обратил внимания на это. В дверь постучали.

– Входите! – Отозвался Дубра. Дверь широко распахнулась и в избу вошли четверо.

– Принимайте, хозяева, дорогих гостей! – Ослабился Меченый и привычно потёр шрам на щеке, потом пристально всмотрелся в лица хозяев, бледные от неожиданности и страха.

– Да вы, я вижу, и не рады совсем, а? Нехорошо! Гости в дом – радость для хозяев, правда? Соскучились мы по тебе, Дубра, давненько не виделись, дай, думаем, приятное сделаем для хозяев, придём в гости! Ты уж, поди, решил, что нас и на свете белом больше нет, а? Нет, нас не так-то легко сцапать, столько времени «ястребков» за нос водим, и ещё поведём! Лес – то, он большой, а нас мало, шмыг за кустик, и пропал! Растворился! Нетути!.. Ну, а тут, как узнали, что тебя председателем выбрали, что большим человеком ты стал, Дубра, такая тоска по тебе взяла, захотелось поведать... Вот и пришли... Ну, что ж ты, Дубра, что-то радости на твоём лице не вижу... Али не рад?

Дубра молча пожал плечами, не зная, что ответить на этот поток язвительных слов.

– Давай, хозяйка, всё, что есть самого вкусного, на стол! – Не унимался Меченый. – И самогонки побольше! Гулять будем!

– Я сейчас, в погреб сбегаю, принесу, – метнула быстрый взгляд на мужа Франя.

– Я её провожу, – сказал высокий, худой бандит.

– Не надо, усмехнулся Меченый. – Ты, вот что, стерва, не считай нас за дураков. Не вздумай бежать за помощью. Даю тебе пять минут на погреб. Не успеешь, я ему, твоему ненаглядному, три дырки на лбу из этой штуки сделаю, – погладил он рукой автомат.

Франя принесла бутылку с самогонкой, сало, вытащила из печки чугунок с картошкой, порезала хлеб.

С каждой выпитой порцией самогонки всё больше краснели лица у «лесных братьев», и всё сильнее развязывались языки. «Хоть бы они быстрее напились и заснули, может, Мара придёт попозже, – думала с замирающим сердцем Франя, – хорошо, что она к подружке ушла, может, и ночевать там останется... А, вдруг, она уже идёт? – Острая тревога всё сильнее охватывала её. – Пойду, посмотрю, может, успею перехватить», – решила она и направилась к двери.

– Ты куда? – окрикнул её Меченый.

– Луку нарву и огурцов свежих, – запинаясь, ответила Франя.

– Помни, дорогая моя хозяйюшка, пять минут у тебя, не больше! Опоздаешь – он расплатится! – Кивнул Меченый на молча сидящего Арнольда Дубру. Франя тоскливыми глазами посмотрела на мужа и вышла... Всё больше темнело, постепенно поднимался на лугу туман. Мать до рези в глазах всматривалась в ту сторону, где был хутор Ванагов, но дочь всё не шла...

Франя тяжело вздохнула, сорвала несколько огурцов, вырвала с корнем лук и бегом побежала к дому.

– Что-то ты долго, – подозрительно посмотрел на неё Меченый.

– Так, ведь, стемнело уже, – ответила Франя, – а у меня глаза уже слабые стали.

– Тьфу, чёрт, как же это я сразу не догадался? – Хлопнул себя ладонью по лбу Меченый. – Она ж, за дочку трясётся! – Заржал он, довольный своею прозорливостью. – Где же ваша красавица, а? – Рывкнул он, внезапно свирепея.

– Нет её... Она... уехала, – пробормотала Франя, белая, как мел.

– Ты мне мозги не крути! Я таких хитрых в гробу видал! Понятно?

В эту минуту в избу вбежала запыхавшаяся Мара и остановилась, как вкопанная, стали бледными только что полыхавшие румянцем щёки.

– Ого-го! – Восхищённо уставился на неё Меченый. – И впрямь, красавица стала! – Он вожаделенно обвёл глазами её высокую грудь, тонкую талию, босые загорелые ноги. Дубра, не спускавший с него глаз, встал и униженно попросил:

– Братья, что хотите, со мной делайте, только дочку отпустите!

– Братья! – Передразнил его Меченый. – Ишь ты! Брат нашёлся! Волки тамбовские тебе братья! – Остальные заржали, довольные остроумием своего главаря. Меченый встал и рывкнул:

– В угол! Сиди и не рыпайся! – Потом повернулся к Маре, неожиданно схватил её за косу, приблизил её лицо к своему: – Хороша! – И впился губами в её губы. Мара упёрлась руками ему в грудь, вырываясь из всех сил.

– Не трогай дочь, гадина! – Закричал, не выдержав, Арнольд и бросился на него. Его тут же схватили за руки и оттащили от дочери и Меченого. Не помня себя от ярости, Дубра вырвался и, с размаха, ударил высокого бандита по зубам, разбив ему губы. Тот взревел от боли и схватился за автомат.

– Стой, дурак! – Предостерегающе рывкнул Меченый. – Это слишком лёгкая смерть для него! Он ещё помучается вволю! Свяжите их обоих! – Распорядился он.

– Врёшь, сволочь! – Закричал Дубра, отбиваясь, – не так-то просто! – И тут же рухнул на пол, получив сильный удар автоматом по шее. Их связали по рукам и ногам, всунули в рот кляп и оттащили в угол.

– Ну, вот, теперь порядок! – Довольный, проговорил Меченый. – Орать они не будут, а видеть и слышать, будут всё! Даю тебе возможность, Дубра, пожалеть о том, что согласился стать председателем... Смотри! – Он схватился за вырез платья Мары и резко рванул вниз. Затрещала материя, обнажая девичью грудь, пронзительно закричала Мара.

– Какой сладкий крик! – Пробормотал Меченый, схватил Мару на руки и понёс её на ближайшую кровать. Дубра замычал, закатывая от бешенства глаза, силясь разорвать верёвки и встать.

– Папа! Папочка! Спаси! – кричала Мара, отбиваясь руками и ногами, пытаясь укусить Меченого за нос. – Держите её за руки! – Прохрипел тот, начиная уставать...

– Аааааа -тонко закричала Мара, задыхаясь от смрадного запаха изо рта Меченого... Франя потеряла сознание...

...Меченый подошёл к Дубре, развернул его в сторону дочери.

– Смотри, председатель, смотри, как мы твою дочь... Это не каждому родителю дано... Богатыря ей сотворим, такой «лесной брат» получится, будь здоров!.. Дубра замычал, затряс головой, багровея, глаза налились кровью, смотрели на бандита с лютой ненавистью.

– Ишь, а глаза, как у волка, – засмеялся Меченый, довольный собой. – Ничего, председатель, ночь длинная, торопиться нам некуда... Вволюшку насладимся твоей дочкой... Знойная она баба... А ты – помучайся, помучайся, оно – полезно... Будешь знать, как хорошо быть председателем. Думал, не вернёмся? Ушли? Сгинули? Нет, мы – возвращаемся... И плюём на ваших «ястребков»... Им бы баб по сараям ловить, а не таких парней, как мы... К утру мы уйдём, может, шлёпнем тебя... А, может, нет... Тебе, ведь, жизнь после этого – хуже смерти

будет, а? – Меченый наклонился и похлопал Дубру по щеке. Тот отдернул голову и опять замычал от бешенства, раздувая ноздри.

– Да не бойся ты, не будем мы тебя бить, мы же, парни тихие, – засмеялся Меченый и посмотрел на кровать.

– Смотри, председатель, как он старается, а? Вот это – мужик! Вот это – сила! Ты бы так не смог...

Бутыль самогонки совсем опустела. Бандиты клевали носом, сидя за столом.

– Что с ними будем делать? – Кивнул на связанных молодой бандит в расстёгнутой до пупа рубахе и поскоблил заросшую светлыми волосами грудь. – Что-то мне не хочется спать вместе с ними... Меченый посмотрел на него совсем ословелыми глазами, секунду подумал и ухмыльнулся от пришедшей в голову мысли:

– Молодец! Правильно говоришь! Мы их сейчас вынесем на улицу, уложим рядышком, дочку в середину, пускай её родители с бочков греют, пусть помычат ей в уши... гы, гы, гы... – осклабился он.

– А ты, раз ты такой умный, покараулишь их... Чтоб б они не баловались... Вот и не придётся тебе с ними спать! Понятно?

– Ты что, Меченый, с ума сошёл? – Оскорбился молодой. – Пошёл ты!

– Что? Что ты сказал? А ну, делай, что велено! – Побагровел Меченый. – Ишь, каждый сопляк будет гонор свой показывать!

...Дубра прислушивался к неподвижно лежащей, будто мёртвой, дочери, чувствуя, как от ненависти, затопившей грудь, мутится в голове. Хотелось выть волком, биться головой о камень. Он последними остатками воли искал выход. «Должен быть выход! Должен!» – Твердил он себе. Над ними опрокинулось огромное чёрное небо, блестели звёзды и серп месяца, стрекотали кузнечики. Молодой бандит притащил из сарая охапку сена, разровнял её возле стены, завалился на него, бубня:

– Меченый, гад, такой же стал, как Медведь, хозяином себя чувствует... Караулить ещё эту падаль, хлопнуть их всех, что ли? А... пусть живут... А дочка-то, хи, хи... – Пробормотал он и захрапел, самогонка взяла своё. «Неужели, и в правду, заснул? – Подумал Дубра, не веря своим ушам. – Как освободиться от верёвок? как?» – Он перебрал в памяти все острые предметы, об которые можно было бы перерезать верёвки: – «Коса высоко висит, топор в сарае, дверь не открыть... Господи, как же освободиться? Стоп!» – Ему вспомнилась острая грань углового камня в фундаменте дома. Ещё несколько минут он лежал не шевелясь, весь обратившись в слух, чувствуя, как сердце бешено бьётся в груди от предчувствия удачи. Бандит уже беззаботно храпел вовсю, привольно разбросав ноги.

Дубра осторожно пошевелился, развернулся и, кое-как, покатился в сторону угла дома. Он потерял ощущение времени. Ему казалось, что он катится так целую вечность. Временами он замирал, прислушиваясь к храпу караульного, потом катился дальше.

Вот и нужный угол! Добрый десяток минут понадобился ему, чтобы привалиться спиной к углу, приладить связанные руки верёвками к острой грани... Потом он принялся перетирать верёвки, обдирая кожу с рук от торопливости. «Только бы он не проснулся!» – думал он. Мучительно долго елозил он верёвками, казалось, конца этому не будет...

Наконец, он почувствовал, что верёвка слабеет... Остановился, напрягся изо всех сил... Всё! Руки свободны! Ура! Непослушными пальцами он вырвал кляп изо рта, несколько минут сидел, жадно хватая ртом свежий ночной воздух, потом принялся развязывать верёвку на ногах. Узел был тугим, долго не поддавался, и всё же, Арнольд развязал его! «Господи! Бла-

гослови! Всю жизнь буду благодарить Тебя!» – Прошептал он и заковылял к сараю. «Только бы ворюжина не заскрипела!» – Подумал он, осторожно вытащил щепку из скобы, стал тихонько раскрывать ворюжину... Скользнул внутрь, на ощупь пробрался к колоде, выдернул топор. Сердце больно билось об рёбра, руки налились звериной силой от сладкого предчувствия мести. Дубра, на секунду, остановился у лежащих на земле женщин. «Потом!» – решил. На цыпочках подошёл к развалившемуся на сене бандиту.

– Ну, вот, пришёл твой час, падла! Ты будешь первым! – Прошептал Арнольд, до рези в глазах глядя в лицо бандита и, боясь промахнуться в слабом свете месяца, высоко взметнул над головой топор и с бешеной силой ахнул им прямо в раскрытый рот... Что-то булькнуло, храп оборвался...

Дубра бросился к жене и дочери, вырвал у них тряпки изо рта, перерезал острым плотницким топором верёвки.

– Тихо! Ради Бога! Только тихо! – Шептал он им, помогая подняться, почти волоком оттащил их за хлев.

– Доченька, родная моя! – Жарко шептал он ей в ухо, – ты только выдержи, умоляю тебя! Не сгуби себя! А я за тебя отомщу! Одного уже... Я их всех убью! Всех! Ты только терпи, слышишь? Если ты умрёшь, тогда и мы с мамой умрём, мы не сможем жить без тебя! Знай это!

– Мать, веди её к Ванagam, скажи всем, пусть глаз с неё не спускают... Сообщите «ястребкам»... Всё, идите! – Он постоял несколько секунд, взглядом провожая их, и пошёл к избе.

«Может, вернуться, взять автомат?» – Подумал он. – Нет, вряд ли они спят все вместе... Загублю только себя... А мне умирать нельзя... Я их должен убить! Всех!» – Дубра осторожно потянул дверь на себя, прислушался, замерев, потом прошмыгнул в избу. В нос ударил спёртый воздух от грязных портянок и перегара. В разнбой храпели бандиты. В окно проникали слабые лучи месяца.

Дубра на цыпочках подошёл к кровати, на которой лежали двое бандитов. Арнольд долго всматривался в их лица. Нет, Меченого здесь не было. «Значит, он на Мариной кровати», – подумал он, потому что из её комнаты доносился густой храп. Дубра откинул край занавески, служившей вместо двери, и вошёл, сжимая до боли топорище. Страх не было, ничуть, ни капельки! Арнольд подошёл к кровати, всматривался несколько мгновений в разбросанные, белеющие на тёмном одеяле и воняющие потом ноги Меченого, на его ненавистное лицо. Мелькнула мысль о том, что он сейчас видит в темноте, как кошка, так хотелось крикнуть: – Встань, гад, взгляни в лицо смерти! – Но, нельзя было, там двое других, их очередь ещё не пришла.

Дубра только прошептал эти слова, набрал полную грудь воздуха и рубанул изо всех сил по выпирающему на горле кадыку Меченого. Дёрнулись несколько раз ноги Меченого, послышался слабый хрип... Всё стихло, только по одеялу быстро растекалось пятно крови. Дубра бросил на грудь Меченого топор, взял прислонённый в углу автомат, проверил рожок с патронами, поставил предохранитель в боевое положение...

«Теперь ваша очередь, падлы!» – Подумал он, скрипнув зубами, уже не боясь, что бандиты проснутся, пошёл к кровати, на которой два десятка лет спали они с Франей. Оглушительно загремела длинная очередь.

– Получайте! Жрите! Сдохните! – Орал во всё горло Дубра, в упор всаживая в ненавистные морды бандитов все пули, которые были в рожке автомата... Потом отшвырнул его, чувствуя, что ноги не держат его, сел прямо на пол и заплакал, размазывая грязными кулаками слёзы по лицу, чувствуя, как тает в груди мучительная боль, сжимавшая сердце...

ЧАСТЬ 10

...Владислав молча опустился на табуретку, уронил безвольно руки на колени. Мария, чистившая к ужину картошку, взглянула на него и испугалась. У него было такое бледное и угрюмое лицо, что ей стало не по себе.

– Что случилось? – Тревожно спросила она. Владислав вытащил из кармана сложенную в несколько раз газету, развернул её.

– В Ашхабаде произошло страшное землетрясение, – глухо проговорил он, – очень много жертв... На, почитай... Мария вытерла руки и торопливо побежала глазами по строчкам.

– Ужас какой! – Пробормотала она, кончив читать, и посмотрела на Владислава.

– Неужели и тётя Стася с дядей Костей погибли? – С болью вырвалось у Владислава.

– Если мы могли бы знать? – Сочувственно проговорила Мария.

– Надо немедленно писать письмо! – Вскочил на ноги Владислав. Он нашёл кусок обёрточной бумаги, вытащил из кармана огрызок карандаша и стал торопливо писать...

...Шли дни, ответа всё не было. Владислав разными путями доставал газеты, прочитывал скупые строчки про Ашхабад, мучился неизвестностью. И вот, наконец-то, пришёл ответ. Владислав дрожащими руками разорвал конверт, вытащил письмо, написанное на желтоватой бумаге и тоже карандашом: «Добрый день, уважаемый родственник Стаси! Получила от Вас письмо, но извините, что сразу не ответила. Во-первых, оно мне попало не сразу, а здесь своё горе, убита этим горем. Вы слышали про Ашхабадское землетрясение... Да, это была небывалая трагедия... Города, как такового, нет... Весь разрушен, жертв – очень много, и в их число попали, и Стася, и Константин Алексеевич. Их никто не приходил спасать, по-видимому, их сразу убило. Они лежали на кровати, не бежали, как многие. С их двора осталась Вера Николаевна с дочкой. В общем, жертв много, уму непостижимо, какое несчастье постигло Ашхабад. Вещи приходили забирать, кажется, брата жена. Откопали их солдаты. Хоронить, никто не хоронил. Мой муж возил нашу маму и взял их отвёз. Кладбище уже не принимало покойников. Пришлось их хоронить в братской могиле, да и то, с трудом, тоже не принимали, пришлось дать по знакомству, сами понимаете, а то пришлось бы долго ждать. Лето... Жара... Вот и всё. Всего Вам наилучшего! Соседка Стаси, может, слышали, Надежда Ивановна. Наш адрес: Ашхабад, ул. Гоголевская, д. 12. Борисовой Н. И. (Письмо подлинное. Автор.)

Владислав долго смотрел на карандашные строчки, не в силах поверить прочитанному... согласиться... Перед глазами стоял Ашхабад, тот, прежний, которого больше нет, целый и невредимый, красавец Ашхабад... А теперь там только груды развалин... Хорошо ещё, что лето, тепло, что к зиме успеют, более-менее, построить, хоть временное, хоть какое-то, жильё, чтобы у людей была крыша над головой... Он представил себе лежащие на кровати, раздавленные рухнувшими стенами, тела тёти Стаси и дяди Кости... Их больше нет... Никогда больше он не обнимет, не поцелует их... На глаза Владислава навернулись слёзы, поплыли карандашные строчки... Бог ты мой! А, ведь, и моё тело могло точно так же лежать там...» – внезапно подумал он, по спине мурашки пробежали... Он вздрогнул, мотнул головой, прогоняя эти мысли.

– Машенька, – осторожно спросил он, когда они уже лежали в постели, – может, мне съездить туда, посмотреть, хоть, на могилку, а?

– Володя, я прекрасно понимаю тебя, поверь, мне очень жаль твоих родственников, но, ведь это – так далеко, где взять деньги на это? – Грустно сказала Мария, прижимаясь к нему. – Может, в будущем, когда станем побогаче... А пока... сохрани в сердце память о них...

– Деньги! Проклятые деньги! – Скрипнул зубами Владислав. – Когда же наступит такое время, что не надо будет трястись над каждым рублём!

– Успокойся, Володя, прошу тебя, – шептала Мария, обнимая его и прижимаясь к нему своим горячим телом. – Самое главное, что ты – жив! Ты вовремя оттуда уехал! Счастливчик ты по жизни! Ей Богу! Всю войну прошёл, не убило тебя и, даже, ни разу, серьёзно не ранило, – шептала она, страстно целуя его, – я так счастлива, что ты вернулся ко мне... Может, это моя тоска спасла тебе жизнь? То, как я шептала по ночам: – Володенька, вернись! Слышишь, вернись! – Как ты думаешь, а?

– Ладно, спи, спасительница ты моя! – Тихонько засмеялся Владислав и погладил её по волосам...

...Злой ветер выл в трубе, рвал с крыши ключья соломы, гнул к самой земле кусты сирени, швырял в окна хлопья снега. Малыши сидели на печке, таращились оттуда на взрослых, помалкивали. Бабушка возилась с ужином. Мама зашивала порванные на коленке Робчиковы штаны. Папа прилаживал лапину на ощерившийся носок сапога.

– Какая погода сегодня интересная, – задумчиво сказала Мария, – весь день было тихо, тепло, а сейчас, вон, как завернуло.

– Да, зима на носу, – ответил Владислав. – И почему лето так быстро пролетает, не успеешь заметить, фьють, и нету!

– Зато зима – длинная – предлинная, целую вечность тянется! – Засмеялась Мария. Послышался лай Тузика.

– Кому это дома не сидится в такую погоду? – Обернулась к окну Мария.

– Пойду, посмотрю, – встал с низенькой скамейки Владислав, распрямляя спину. Он накинул на плечи телогрейку и вышел в сени.

Ветер с такой силой давил на входную дверь, что пришлось поднажать, чтобы она открылась. – Ну и воет, чёрт драл! – Пробормотал Владислав и запахнул на груди телогрейку. Какая-то тёмная фигура, подгоняемая ветром, шла к избе. «Баба, вроде? – Подумал Владислав, всматриваясь в темень. – Точно, баба, и несёт что-то...»

И, вдруг, почувствовал, как тревога холодком прошла по груди. Чем ближе подходила женщина, тем больше не по себе становилось ему. Что-то знакомое проглядывалось в её фигуре и походке... «Господи! Неужели... она?» – С ужасом подумал он и почувствовал, как лицо, будто жаром обдало... Женщина приблизилась к нему и остановилась неуверенно, прижала к груди закутанного большим платком ребёнка.

– Володя, неужели... ты? – Проговорила она вздрагивающими губами. Владислав почувствовал, что его не держат ноги и темнеет в глазах.

– Света... Жива! Господи! А я, уж, и не знал, что думать, – глухо проговорил он. «Что ж, что будет, то и будет... Не держать же её на улице...» – обречённо подумал он. Женщина качнулась к нему и начала падать, Владислав подхватил её, притиснув к груди ребёнка, который, сразу же, заплакал.

– Боже мой, Володя, наконец-то я тебя нашла! – Заплакала и женщина. – Если бы ты знал, что мне пришлось вынести! И как я только смогла сюда добраться? «Уж лучше бы ты сюда и не добралась! – Застучала в голове мысль. – Нет, лучше об этом не думать!» – Мотнул головой Владислав.

– Пойдём в избу, Света, нельзя на улице в такую погоду, Милочка заболит, – холодно сказал он и открыл дверь. – Цыц! – Крикнул он на Тузика, продолжавшего лаять. Тот поджал хвост и убрался в будку.

Светлана остановилась у порога и замерла, впилаясь глазами в Марию. Владислав затворил за собою дверь и прислонился к стене. Лицо его было каким-то землисто-бледным. Мария тревожно посмотрела на гостью, перевела вопросительный взгляд на Владислава. Он молча опустил голову.

– Здравствуйте! – Тихо сказала Светлана, не сводя глаз с Марии.

– Здравствуйте! – Ответила Мария. Громко заплакал под платком ребёнок.

– Развяжите платок! – Скомандовала Мария. – Он у вас задохнётся так! – Светлана торопливо развязала платок. Ребёнок зажмурился на свет лампы и, почему-то, затих сразу.

– Раздевайтесь, проходите к столу. Вы, наверно, заблудились? – Спросила Мария.

– Нет, почему же, я к Владиславу приехала, – вымученно улыбнулась Светлана. – Он – мой муж.

– Что? – Вырвалось у Марии и она резко побледнела, посмотрела на Владислава, не в силах поверить услышанному. Владислав ещё ниже склонил голову. Мать молча смотрела на них, стоя у печки, потом, не выдержала, как-то судорожно засмеялась:

– Говорила я тебе, дура! – по-латгалски сказала она Марии, – Чужало моё сердце... Эх, ты, уши развесила, растаяла сразу, как только его увидела... А он – и преподнёс тебе подарочек! – Мария опустилась на лавку, горло будто сдавили чьи-то пальцы, нечем стало дышать. Светлана непонимающе смотрела на них, потом повернулась к Владиславу: – Что это значит?

– Могла бы и догадаться! – Буркнул Владислав и, тут же, зло спросил:

– Какого чёрта ты сюда припёрлась?

– Что? Володя, – жалобно пробормотала Светлана.

– Ну что ты дурочку-то из себя корчишь? Женат я, не видишь, что ли? – Злобно процедил Владислав.

– Боже мой! – Только и смогла она сказать, теряя сознание. Владислав увидел, что она падает и подхватил её поникшее тело. Пронзительно закричал перепуганный ребёнок. Тут же отозвались и мальчики.

– Тише вы! – Прикрикнула на них пришедшая в себя Мария, подскочила к Светлане, взяла ребёнка, положила на кровать, стала растёгивать пальто Светлане, развязала платок на ней.

– Принеси воды! Быстро! – Коротко бросила она Владиславу и стала легонько хлопать ей по щекам, потом смочила лицо водой. Вскоре Светлана пришла в себя, взяла на руки плачущую дочь и принялась её укачивать. Через некоторое время та успокоилась.

– Володя... Как ты мог! – С болью вырвались у Светланы слова. Она машинально продолжала укачивать девочку, а сама не спускала с него глаз. Тоска, боль, непонимание, стояли в них.

– Господи... маму с папой похоронила... Погибли они в Ашхабаде... Я к подруге ездила... Лучше и я бы погибла вместе с ними... – Роняла она слова, тяжёлые, как булыжники, падавшие на голову Владиславу. – И второго под сердцем ношу, понимаешь? – Владислав вздрогнул, посмотрел на неё, протестующе замотал головой и застонал, сжимая руками голову.

– Что мне оставалось? – Продолжала, медленно и тихо, Светлана. – Поехала в Ленинград... Ты же говорил, что к маме в гости съездишь... Почему она мне не сказала, что ты женат? Почему? Володя? – Падали слова, тихие и опустошённые. Он молчал.

– Не беспокойтесь, я сейчас уйду, – повернулась она к Марии, потом, вдруг, вспомнив, что ей даже ребёнка покормить нечем, заплакала: – Милочка, вот только, ничего пол-дня не ела...

– Никуда вы не пойдёте! – Тонем, не терпящим возражений, сказала Мария. – Видите, что на улице творится? Если вам самой жизнь не дорога, подумайте, хоть, о ребёнке! Я вас не отпущу, не возьму грех на душу.

Мария накормила всех ужином, уложила сыновей с собой на кровать, постелила Светлане с ребёнком на печке, когда та стала возражать, прикрикнула на неё: – Перестаньте! Вы промёрзли в дороге, особенно ребёнок, хотите, чтобы он заболел? Полезайте на печь, всё! – За весь вечер она ни разу не взглянула на Владислава, как будто его и не было в доме. И только, когда всё стихло, Владислав, ворочавшийся на полу, тоже, вроде бы, уснул, а, может, притворился, Мария дала волю слезам, зажав рот подушкой...

Утром Владислав тихонько, как воришка, выскользнул из дома и отправился на работу, предоставив женщинам самим разбираться в ситуации. Мать тоже не могла оставаться дома и ушла к старой Стыврине, решив лучше там отвести душу. Мария месила тесто для хлеба и думала о себе, о Светлане... Странно то, что она не испытывала к ней враждебности, не видела в ней соперницу, а, скорее, товарища по несчастью, такую же, обманутую, как сама, женщину...

«Господи, сколько ей пришлось пережить!» – Жалостливо думала она. Представила себя на её месте... Вот она возвращается домой, а дома уже нет, погибли родители... Она стоит у братской могилы с ребёнком на руках, а там, в земле, со многими другими вместе, лежат изуродованные тела её родителей... От жалости у неё выступили на глазах слёзы, а мысли текли всё дальше: она ехала в Ленинград... Такой дальний путь... Приехала, узнала что Владислав в Латвии... Путь до Скайсты... Потом на санях сюда, в такую погоду... – Бедняжка, – вздохнула Мария и услышала, как простонала, забормотала что-то во сне Светлана...

«Эх, Владислав, какая же ты сволочь! Убить тебя мало, подлый ты человек... Боже мой, какой мерзавец!» – Задохнулась Мария от обиды и боли, подумала о своих сыновьях, посапывающих себе на кровати, и заплакала, продолжая месить тесто. Слёзы капали прямо в тазик, но она этого не замечала, погружённая в свои мысли. «Пора мне уже и „заболеть“, срок-то, уже прошёл... А, вдруг, забеременела? Ох, ты, Господи, только не это! Не хочу! Не хочу! Слышишь, Господи?» – Чуть не закричала она.

«Владислав! Кобель проклятый! Сволочь! Скотина!» – Мысленно ругалась она. Не выдержав, заплакала громко, в голос, села на лавку, уронила голову на перемазанные в тесте руки...

ЧАСТЬ 11

Мара после той страшной ночи неделю прожила у Ванагов. С неё не спускали глаз. Арнольд, после того, как командир «ястребков» побывал у них в доме, осмотрел всё, оформил необходимые бумаги, а Дубра их подписал, трупы «лесных братьев» увезли, вынес во двор, свалил в кучу и спалил кровати, на которых спали бандиты перед своей смертью, потом привёз из Дагды священника, который освятил их дом, долго молился об изгнании с помощью Господа нечистой силы.

Затем Дубра сколотил две широкие скамейки, Франя сшила новые чехлы для матрацов, а Арнольд набил их свежим сеном, застелили новые простыни, положили другие подушки и одеяла, только после этого привели в дом Мару. Она безвылазно сидела дома, не произнося ни слова. Родители стали бояться, не ослабела ли их дочь умом. Когда Франя ей что-либо говорила, Мара тупо смотрела на неё пустыми, без всякой мысли, глазами и молча отворачивалась от матери. На её светлых, с желтизной, волосах отчётливо проступили у висков седые пряди...

Так прошёл месяц. Постепенно она оттаивала, изредка перебрасывалась с родителями несколькими словами, но ещё ни разу они не видели на её лице улыбку. Голову председателя густо припудрило сединой, он сильно постарел, глубокие морщины избороздили его лицо. Колхозники беспрекословно выполняли все его распоряжения, он часто ловил на себе их сочувственные взгляды, и ни разу не заметил усмешки на их лицах или злой сплетни в свой адрес.

Однажды вечером, он не выдержал, подошёл к дочери, взял её за плечи, долго всматривался в её глаза, потом тихо, с болью, сказал: – Мара, доченька, ну нельзя же так! Нельзя весь век сиднем сидеть дома, пойми! Иди к людям, не бойся их, они – всё-всё понимают... У Мары сморщилось лицо от нахлынувших слёз, она качнулась и упала отцу на грудь.

– Не могу я, папа, не могу, пойми и ты меня... Мне надо уехать, слышишь? Мне страшно, каждую ночь, я почти не сплю, в темноте их рожи мерещатся... Я здесь с ума сойду...

Дубра долго думал, молча поглаживая дочь по спине ладонью: – Ну что ж... пусть будет по-твоему, доченька, раз такое дело, поезжай, может, вдали от нас тебе легче будет, скорее забудется, всё... это... На следующий день он отвёз дочь в Даугавпилс, к своей двоюродной сестре, потерявшей на войне, и мужа, и сына. Тэкла, невысокая и худенькая женщина с молодым улыбочивым лицом, была несказанно рада племяннице.

– Вот и хорошо! Вот и слава Богу! – Говорила она, хлопоча на кухне. – Я теперь хоть не одна буду. А то такая тоска, другой раз, забирает, хоть вой в одиночку, как волк. А ты теперь у меня заместо дочки будешь! – На следующий день Дубра попрощался с женщинами и уехал домой.

Мара устроилась работать на небольшую мебельную фабрику, благо, та была невдалеке от её нового дома. Месяц она проработала ученицей в цехе полировки мебели и довольно быстро освоила свою специальность. В этом цехе работали пожилые женщины. Они занимались полировкой фанерованной мебели, покраской табуреток, кухонных столов, прочей мебели, оконных и дверных блоков и т. д. Женщины пытались сойтись с нею поближе, побольше разузнать о её прошлой жизни. Мара отмалчивалась в ответ, или отвечала так, что её ответы ничего не проясняли. Это было странно.

Молодая, красивая, статная девушка, а за целый день не увидишь на её лице улыбки, не услышишь такого естественного в её возрасте смеха... Наконец, они решили, что в её жизни произошла какая-то трагедия, или у неё вообще такой нелюдимый характер, или она просто умом не богата... Работала она старательно, без отдыха, была в работе неутомима и прилежна.

Вскоре в полировку стали частенько заглядывать молодые, неженатые столяры. Они заходили туда, вроде по какому-то делу, или мимоходом, пытались заговорить с Марой, шутить, поближе познакомиться с ней. Их попытки были безуспешными. Она молча, холодно, смотрела на них и отворачивалась.

– Какая бука! Странно, такая молоденькая, красивая, и такая суровая, – сказал своему другу Янке Артур, высокий, смуглый парень с чёрными вьющимися волосами, после того, как они пытались разговорить Мару, заскочив в полировку.

– Подумаешь, строит из себя принцессу! – Беззаботно ответил Янка, невысокий крепыш с льняными волосами. – Цену себе набивает!

– И, всё-таки, странно! – Задумчиво проговорил Артур. – Пойдём работать, а то от начальства попадёт... Он склеивал стулья, вспоминая, время от времени, её строгие зеленые глаза на бледном лице и сурово сжатые губы, так ни разу и не улыбнувшиеся в ответ на их отчаянные шутки...

Светлана очень долго лежала ночью без сна, смотрела широко открытыми глазами в темноту, по щекам текли слёзы, она не замечала их, не вытирала, они всё текли и текли... Сердце готово было разорваться от боли и от отчаяния. Володя, её Володя, которого она так любила, оказался невероятным подлецом и обманщиком... Светлана вспоминала их встречи, его горевшие лаской глаза, когда он смотрел на неё, его удивительно нежные руки, когда он обнимал и ласкал её...

«Боже мой! Какая подлость! – Думала она, кусая губы. – Какая ужасная подлость! Что же мне делать? Что?» – За окном бесилась вьюга, лепила снегом в окна, жалобно скрипела старая калитка. Рядышком тихонько посапывала Мила, она пригрелась на тёплых кирпичках печки и очень быстро уснула. «Бедная ты моя девочка, нет у тебя больше папки, а ты спишь, не догадываешься об этом! – Думала Светлана, еле слышно глядя её по хрупким плечикам. – Господи, хоть бы не заболела после такой дороги!»

Под сердцем у неё слабо ворохнулась новая жизнь, напоминая о себе. Новый взрыв отчаяния охватил её, она застонала, зажимая рот рукой. – «Брошенная мать двоих детей... Брошенная! Брошенная!» – Билась в голове мысль. Она вспомнила, что и уехать-то назад не может, потому что денег почти не осталось. И ехать некуда, от их дома в Ашхабаде остались одни развалины, родители – в братской могиле. Единственный выход из положения – это ехать в Пятигорск, к брату, правда у него – только двухкомнатная квартира, но, на первое время, угол будет. а дальше – посмотрим. Хуже всего, что нет денег. Светлане была противна мысль просить денег у Владислава. У кого угодно, но только не у него! Об этом она думала, уже засыпая. Сильная усталость и теплота русской печки победили отчаяние...

Проснулась она от громкого плача Марии. Голова была страшно тяжёлой, болели глаза, будто в них сыпанули горсть песка. Светлана слезла с печи, подошла к плачущей Марии, молча села рядом, долго смотрела на её вздрагивающие плечи, потом тихо сказала:

– Простите меня... что так получилось... Я не знала, что у него другая семья. Он ни разу не сказал об этом, никогда, ни слова! – Мария подняла голову, посмотрела Светлане в глаза:

– Это на него похоже, он и мне про вас ничего не говорил... Тоже, ни слова...

– Вы не беспокойтесь, я скоро уеду, – торопливо проговорила Светлана и, вдруг, замялась, покраснев. – Вот... только... денег у меня почти не осталось... Не знаю, что делать, у кого одолжить...

– Придёт... кормилец... домой, вот пусть и решает, что делать! – Зло сказала Мария, вспомнив, как тихо прикрыл дверь за собой Владислав, уходя утром.

Метель стихла. Прояснилось небо. Выглянуло солнце. Оно висело низко над горизонтом бледным холодным шаром, навевая тоску. Владислав брёл домой, медленно переставляя ноги, как на казнь. Более противного дня у него в жизни, наверное, не было. «Допрыгался, доигрался, сволоочь! – Зло ругал он самого себя. – Что теперь делать? Остаться? Уезжать? Захочет ли ещё Света жить-то со мной?» – Он прекрасно знал её гордый характер, знал с детства, когда ещё мальчишкой, дружил с нею в свои приезды в Ашхабад. «А Мария, сыновья? Как их бросить? Это ж, мои сыновья! А Мила не моя дочь? И ещё ребёнок у Светы будет... – Владислав даже застонал от этих мыслей. – Хоть голову в петлю суй... Допрыгался, гад, допрыгался!»

Солнце спряталось. День угасал. Темнело. Вот и их хата. Тускло светилось оконце от света керосиновой лампы. Владислав подошёл к входной двери и остановился, не в силах открыть дверь, дрожали руки, ноги будто онемели. Владислав посмотрел на свои вздрагивающие пальцы и усмехнулся, подумав: – Будто кур воровал! Эх, была-ни была!» – Он толкнул дверь и вошёл в хату. Глаза женщин впились в него. Владислав обвёл всех взглядом.

– Добрый вечер! – сказал тихо, опуская голову. В ответ – молчание. Мария готовила ужин. Светлана сидела на лавке и покачивала ребёнка на коленях. Глаза у обеих женщин были красные и опухшие.

«Ревели целый день», – сделал вывод он.

Мария несколько раз коротко взглядывала на него, собираясь с духом, громко и сильно билось сердце.

– Что ты думаешь делать дальше, Владислав? – Вздрагивающим голосом спросила Мария.

– Не знаю, – буркнул в ответ он, пожав плечами.

– А кто знать будет за тебя? – Взвинтила тон Мария. – Я, что ли? – Светлана вздрогнула и побледнела. «Ещё из дома попросит.» – Тоскливо подумала она.

– Не кричи, пожалуйста, – попросил Владислав. –И без этого тошно...

– Тошно ему! Зато нам – сладко! – Не выдержала Мария.

– Перестань, я сказал! – Владислав посмотрел на Марию такими глазами, что она сразу замолчала, только нож быстрее задвигался, очищая картофелину. Она, в сердцах, швырнула её в воду, обдав себе лицо и грудь брызгами.

– У Светланы нет денег на обратную дорогу, понял? – Сказала Мария, вытираясь полотенцем. – Нет, нет, не подумайте, ради Бога, что я вас гоню, но, надо же что-то делать! – Торопливо добавила она, заметив испуганный взгляд Светланы.

– И за себя решай, хочешь, оставайся, хочешь, уезжай! Я силой тебя держать не собираюсь, жили два года без тебя, и дальше, как-нибудь, проживём! – У Марии задрожали губы и выступили на глазах слёзы.

«Хоть ты из дому беги!» – Тоскливо подумал он. На душе так было противно и гадко, что к горлу подступала тошнота.

Ужинали молча. Взгляды всех упирались в стол. «Хорошо ещё, что мама ушла, – подумала Мария.– Запилила бы совсем!» Сыновья молчком сидели рядышком на кровати.

Ночью Владислав долго не мог уснуть, лежал на спине, вытянув длинные ноги, чувствуя холод деревянного пола, перебирал в уме соседей, прикидывал, у кого можно одолжить денег на дорогу, не знал, как поступить самому. «Что же мне делать? Что?» – Билась в голове мысль. Получалось так, что обе они, и Мария, и Светлана, были одинаково дороги ему, каждая по-своему. Он любил невысокую, крепкую фигурку Марии, её большие синие глаза, особенно, когда в них светилась ласка... И Светлану он любил, как ни странно, и не знал, кого больше... Он любил её смуглое по-восточному лицо, тёмно-карие, как спелые вишни, глаза, и, такие же яркие, губы, её тонкую, гибкую, как лоза, фигуру.

«Что же мне делать-то, а?» – Подумал он опять и изо всех сил стиснул зубы, еле подавив в себе стон. Лежать на шубе было жёстко, тянуло холодом от пола. Так он и проворочался без сна до самого рассвета... Днём Владислав пытался одолжить у нескольких мужиков деньги, но получал отказы. Все говорили ему, что таких больших денег у них нет, да и откуда их взять-то при теперешней жизни... Владислав замучился совсем, пока доработал до вечера, душила злость на самого себя, на свою незадачливую жизнь, на то, что он совсем чужой для этих людей, даже денег боятся одолжить, не верят ему. Вечером он шёл домой, чувствуя, как при каждом шаге очень сильно ноет поясница от бесконечного шкурения брёвен. Кора от мороза намертво спаялась с брёвнами, шкурить было очень трудно и медленно. «Летом можно пять брёвен ошкурить за то время, как сейчас одно!» – подумал он и плюнул от злости. На душе было противно, до тошноты, он представил себе, как осуждающе взглянет на него Мария, как появится в её глазах презрение, когда она узнает, что денег он так и не достал. «Да ладно, и чёрт с ней, пусть думает, что хочет! Как будет, так и будет.» – Решил Владислав.

ЧАСТЬ 12

Ночь была тихая. Угрюмо темнели деревья. Светились звёзды на угольно-чёрном небе. Мороз небольшой, примерно-десятка. Скрипел снег под валенками. Мария подошла к хутору Алфреда Паулиня. Собаки ещё издали почувствовали её и заходились в лае. Открылась входная дверь и выглянул Паулинь, запахивая на груди полы полушубка. В руках у него светился фонарь «летучая мышь».

– Здравствуйте, дядя Алфред, – виновато сказала Мария. – Простите, что так рано вас беспокою. Я боялась, что уйдёте на работу, а там мне будет трудно найти вас...

– Да ладно, ничего, я уже встал, собирался на работу, – хрипло сказал Алфред и закашлялся, выплюнул мокроту. – Простыл где-то, чёрт подрал. – Добавил он.

– Дядя Алфред, одолжите мне деньги, пожалуйста, рублей 600...

– Сколько? – Удивлённо спросил он, поднимая повыше фонарь, чтобы разглядеть её лицо.

– Рублей 600, я верну... обещаю вам... правда, не сразу... не смогу...

– Это – большие деньги, – покачал головой Паулинь, – у самого на чёрный день ничего не останется. «У тебя да не останется! Куркуль чёртов!» – Подумала Мария.

– Дядя Алфред, пожалуйста, позарез надо! – Умоляюще сказала она.

– Ну, ладно, выручал я тебя ни раз, и ещё выручу, так и быть, как не помочь своим людям, как-нибудь проживём, – пробурчал он, в голосе явственно прозвучало недовольство.

– Ой, спасибо! Дядя Алфред! – Обрадованно воскликнула Мария, – я их вам обязательно верну! Не сомневайтесь!

– Да чего там... я тебе верю... Заходи в дом, что это я, на морозе держу, – спохватился Алфред. Мария вслед за ним вошла в избу, закрыла за собой дверь. Юзефа уже хлопотала у ярко горевшей русской печки, пекла блины.

– Доброе утро, тётя Юзефа! – Поздоровалась Мария.

– Доброе утро, соседка, – ответила Юзефа и улыбнулась. – Что в такую рань?

– Деньги пришла одолжить, очень надо, – смущённо ответила Мария.

– На вот, держи, – вернулся из комнаты Алфред, протягивая ей деньги.

– Спасибо вам! – Благодарно улыбнулась Мария, прижимая к груди сотенные банкноты и собираясь уходить.

– Куда ты, погрейся хоть, – предложила Юзефа.

– Нет, спасибо, я не замёрзла, идти тепло, – отказалась Мария. – Надо домой быстрей. До свидания!

– Я тебе посвечу. – Алфред взял фонарь, запахнул полушубок, толкнул дверь на улицу.

На востоке, едва заметно, бледнело небо. Лёгкий ветер взъерошил ветви елей, посыпался иней, и опять всё стихло. Равномерно скрипел снег под валенками. Мария напряжённо всматривалась в темноту, тропинка чуть-чуть темнела на более светлом фоне снега. Она остановилась, подняла вверх голову. Равнодушно светили звёзды. Чёрной стеной стояли высоченные ели. Она вспомнила угрюмое лицо Владислава, пришедшего вчера вечером, и его слова: – Денег не достал, все говорят, что у них нет такой суммы.

«Не верят ему, вот и не одалживают, – усмехнулась она грустно. – Что же дальше будет? Уедет, или останется? Уедет, и чёрт с ним! Проживём, как-нибудь, и без него! Не одна, мама со мной, два сына растут, помощники будут... Ничего, переживу и это!» – Решила Мария и вновь пошагала по тропинке.

Когда она подошла к хате, уже заметно рассвело, мороз усилился, начал потягивать колючий восточный ветер, ещё не сильный. Светилось окно на кухне, несколько раз промелькнула мамина тень.

«Мама, милая моя мама, – тепло подумала Мария, – что бы я без тебя делала?» Она вошла в избу, расстегнула пуговицы полушубка, устало размотала платок.

– Фу, жарко! – Сказала Мария. – Доброе утро, мама!

– Доброе утро, – буркнула мать с сердитым лицом, переворачивая блины на сковородке. Мария прошла в комнату. Светлана, уже одетая и причёсанная, сидела у стола и напряжённо смотрела на неё.

– Доброе утро, – тихо сказала Мария, подходя к ней. – Вот деньги, возьмите.

– Спасибо большое, Мария, – виновато улыбнулась Светлана и покраснела до слёз. – Я верну их вам, как только смогу...

– Ладно... чего там... – Сказала Мария.

– Теперь я могу уехать, – облегчённо сказала Светлана, смотревшая на Марию влажными глазами. «Какая красивая! – С лёгкой завистью подумала Мария, – не диво, что влюбился!» Она прошла в соседнюю комнату. Владислав всё ещё спал на полу, не в силах проснуться после предыдущей бессонной ночи и трудной работы.

– Владислав, вставай! – Растолкала его Мария. – Я достала деньги. Тебе надо пойти к председателю, попросить коня. Светлана хочет уехать.

– Да, я сейчас. – Владислав сел на полу, помотал головой, приходя в себя. Дети безмятежно спали. Мария поправила одеяло, накрыла их потеплее и замерла, всматриваясь в их лица. «Неужели уедет? – Опять с болью подумала она. – А если и не уедет... Что это за жизнь будет? Вряд ли я ему это смогу простить»...

Скрипел под полозьями снег, равномерно покачивался круп лошади, слепили глаза снежинки, щипало морозом щёки. Уже несколько часов Владислав вёз напряжённо молчаливую Светлану, согнувшуюся над укутанной в одеяло дочерью, искоса поглядывал на неё, подбирая слова оправдания и не мог их подобрать...

– Света, – робко заговорил он и закашлялся, – сможешь ты меня простить? Светлана молчала, враждебно отворачивалась от него.

– Света... Я понимаю, что подлец, что нет мне оправдания, но... тогда... там... в Ашхабаде, когда я впервые увидел тебя... после стольких лет разлуки... Я – ослеп... Ты стала такой... красивой... Я, ведь, до войны, знал тебя ещё девочкой... А тут – взрослая девушка... Такая красавица... И когда я увидел, как ты обрадовалась мне, какие у тебя стали счастливые глаза, когда ты сказала, что ждала меня все эти годы... Я не смог! – Вырвалось у него с глубокой болью: – Понимаешь? Не смог! Признаться тебе... что женат! Потом я ненавидел себя за это... За трусость! А признаться – не смог! Прости! Ради Бога! – Выкрикнул он.

– Не надо! Не хочу слушать!.. Ни к чему это всё... теперь... Я тебя презираю... Ты и от меня сбежал, как последний трус! Сказал, что к маме в гости съездишь... И не вернулся!

– Да, я испугался, у меня получилась большая растрата на работе... Я сам не знаю, как она получилась... Может, подстроил кто... Я думал – посадят... И, вот...

– Удрал... Смылся! – С презрением закончила за него Светлана. – Пожалуйста, не надо больше, не хочу... не хочу! Замолчи!

К железнодорожной станции они подъехали, когда уже стемнело. Владислав подержал Милочку на руках, пока Светлана купила билет, поцеловал девочку на прощание, прошептал ей: – Прости меня, доченька! И ты меня прости, Света, если сможешь! – Пробормотал он, жалобно поглядев ей в глаза. Светлана молча поднялась по ступенькам в вагон, протестующе

мотнула головой, дрогнули губы, она резко отвернулась и скрылась в глубине вагона. Владислав завалился в сани, вжикнул лошадь вожжой по спине...

На чёрном небе тускло мерцали звёзды, усиливался мороз, тянула позёмка, скрипели полозья саней, этот скрип давил на уши. На душе было мерзко до невозможности, хотелось поднять глаза к небу и завывать волком... Хотелось умереть... Вот сейчас, немедленно... «Нет, мой милый, – подумал он, – завяз в дерьме по самые уши, барахтайся! Ишь, умереть тебе захотелось! А кто грехи замаливать будет?»

...Владислав потерял чувство времени, пришёл в себя только тогда, когда лошадь радостно заржала, почувствовав близкую конюшню. Он выпряг лошадь, завёл её в стойло, бросил ей охапку сена, растолкал заснувшего сторожа и сказал ему: – Лошадь напои, не забудь, понял? Только, когда она остынет, не раньше! – И пошёл домой. На востоке светлело, занималась заря...

...Шли дни... Всё это время Владислав и Мария почти не разговаривали. Так, переброятся парой слов по-необходимости, и всё. Теперь Мария уже точно знала, что беременна... Она, почти каждую ночь, плакала, вжимаясь ртом в подушку, чтобы никто не слышал. Но утром опухшие, красные глаза выдавали её. Мать сурово поджимала губы, с ненавистью посматривала на Владислава, но тоже молчала.

Иногда Владислав зверски напивался у Августа, приходил домой, еле держась на ногах. Один раз Мальвина не выдержала и закричала: – Что же ты делаешь, изверг? Совсем совесть потерял? Креста на тебе нет? Как тебя, такого урод, мать могла родить? А? – Владислав полоснул её таким звериным взглядом и таким тоном процедил сквозь зубы: – Зззаммолч! Уубью! – Что у матери от страха замерло сердце и она больше не вмешивалась.

Мария, временно, пока сможет, устроилась работать дояркой на ферму. Вставала в четыре утра, шла на ферму, разбрасывала корма и подстилку, доила коров, приходила домой, кормила детей, домашний скот и птицу, готовила обед, ложилась на пару часов отдохнуть...

– Дочка! Ты с ума сошла! Надорвёшься же! – Кричала мать.

– Нет, мама, мне так легче, отвечала Мария, – а иначе я от слёз ослепну, понимаешь...

В первый месяц осени, 14 сентября 1949 года, Мария родила девочку. Светленькие, пушистенькие волосики, пуговкой носик, маленький пухлый ротик, голубые глаза, тоненькая, слабенькая, очень плаксивая...

«Слава Богу, что вообще выжила, – подумала Мария. – Сколько слёз я пролила, пока её выносила»... К этому времени Мария немного успокоилась, смирилась со своей участью. «Что ж поделаешь, – думала она, – не я первая, не я и последняя, кого обманывают мужья... Теперь у меня трое детей, одна я их не подниму, образование у меня – четыре класса. Хорошую работу я никогда не получу, даже в городе, только физический труд... Надо смириться и терпеть, по крайней мере, пока дети не вырастут, а там видно будет...»

Мать тоже, видимо, смирилась. Она помалкивала, делала свою работу, изредка поглядывала злыми глазами в спину Владиславу. Дочурку назвали Алефтиной, в честь бабушки, матери Владислава.

– Она очень похожа на мою маму, – сказал Владислав, когда зашёл разговор о выборе имени ребёнку. – Сыновьям имена вы выбрали без меня, разрешите, теперь мне, выбрать имя дочери, хорошо? Пусть она будет Алефтина, так зовут мою маму.

- Хорошо, я согласна, – сказала Мария. – Дома будем звать её – Алла, да?
- Пусть будет так, я не против, – ответил он.

Владислав и ещё четыре мужика копали траншеи под фундамент будущего свинарника. Стоял прохладный осенний день, подходил к концу сентябрь.

– Бог в помощь! – Услышали они. К ним подошли председатель колхоза и незнакомый мужчина, высокий, светловолосый, широкоплечий.

– Владислав, давай, отойдём в сторонку, – предложил Дубра, – поговорить надо. Они подошли к заготовленным для фундамента крупным камням и присели на них.

– Меня зовут Вацлав Янович Риекстиныш, я председатель дагдского райисполкома. (Районного исполнительного комитета), – сказал незнакомец и протянул Владиславу свою руку, которую тот, естественно, пожал.

– Владислав Антонович Гринцевич, – представился он. – Чем могу быть полезен?

– Видите ли, – помедлил Риекстиныш. – Дело в том, что я ищу подходящую кандидатуру на должность заведующего отделом сельского строительства райисполкома. Район наш – сельскохозяйственный, активно организуются колхозы, разворачивается строительство жилья, ферм и так далее. Дел – невпроворот! Нужен квалифицированный строитель. Я узнал, что вы закончили строительный техникум. Это так?

– Да, я, по образованию, техник-строитель, закончил ленинградский строительный техникум, – ответил Владислав.

– Опыт работы имеете по специальности?

– Имею.

– Вот, как хорошо! – Обрадовался Риекстиныш (орешек, в переводе с латышского). – Где были во время войны?

– Всё время на фронте, 130 латышский стрелковый корпус.

– Кем воевали?

– Старшина разведвзвода...

– У! Разведка! Молодец! – Уважительно сказал Риекстиныш.

– В партии состоите?

– Нет...

– Ну, ладно, это дело поправимое... Так вот, хочу предложить вам занять эту должность. Придётся часто ездить по району, делать разбивки фундаментов строящихся зданий, решать всякие возникающие вопросы... Вам приходилось делать на местности разбивки?

– Конечно, – коротко ответил Владислав.

– Чертежи хорошо читаете?

– Да.

– Ну, так что вы мне ответите? Согласны?

– Согласен! – Обрадованно ответил Владислав. – «Наконец-то!» – Мелькнула мысль. – Только вот... Как с жильём? Я ж отсюда... не наезжусь... Дагда далеко...

– Да, вопрос трудный, – согласился Риекстиныш. – Дагду немцы сожгли при отступлении... Ну, хотя бы, возле Дагды надо будет подыскать... Первое время можно будет и в кабинете поспать, так ведь? Семья большая?

– Жена, трое детей...

– Постарайтесь побыстрее разобраться со своими делами, хорошо? Мы вас ждём... Дел – во как! – Чиркнул он ребром руки по горлу.

Мария увидела через окно быстро шагающего к дому Владислава, его оживлённое лицо. Он вошёл, сел на табуретку возле стола.

– Сегодня в колхоз приезжал председатель райисполкома, предложил мне работу заведомо сельского строительства...

– Согласился?

– Согласился, – улыбаясь, ответил он.

– А как же мы?

– Устроюсь, подыщем жильё, придётся переезжать. Там я хоть зарплату буду получать...

А тут что? Работаем за трудовни... А что на них будет? Один Бог знает...

– Мама, что ты об этом думаешь? – Спросила Мария у матери, стоявшей, прислонившись к дверному проёму.

– А что мне думать, – ответила Мальвина. – Сами думайте, не маленькие!

– А ты с нами поедешь?

– Нет, мой дом здесь! Здесь я вас всех вырастила, здесь моя земля, хозяйство, меня все знают, и я – всех знаю!

– Как же ты одна, мама?

– Ничего, не привыкать, я и раньше одна была, пока ты с фронта не вернулась.

ЧАСТЬ 13

В середине октября Владислав приехал на раздолбанной полупортке (грузоподъёмность 1,5 т, загрузили нехитрый скарб, укутали потеплее сыновей, шофёр поднял их на руках и подал в кузов Владиславу, они уселись на набитый сеном матрац. Владислав выпрыгнул из кузова, подошёл к молча стоявшей Мальвине.

– Прости меня, мать, в чём я виноват перед тобой... Не держи зла... Я много ошибок совершил в жизни... И за Марию... прости, – ему трудно было говорить.

– Ладно, Владислав, ничего... Тогда... столько злости на тебя было... Хотелось топор в руки взять... Да смертный грех это... И ты – отец моих внуков. Поезжайте, с Богом! Прошу тебя... Не обижай мою дочь! У неё – очень не сладкая жизнь была! И пить бросай! Ты на руководящей работе теперь. Будешь пить – долго не продержишься! Слышишь?

– Я знаю, мать, знаю... Из хаты вышла Мария с укутанной в тёплый платок Аллочкой.

– До свидания, мама, береги себя... Как смогу, буду приезжать, -Мария прижалась щекой к лицу матери, из глаз обеих потекли слёзы. Мальвина обняла дочь вздрагивающими руками, троекратно расцеловала, перекрестила её и внучку, поцеловала внучку в лобик.

– Всё... Иди, дочь, шофёр ждёт... С Богом! – Она подошла к заднему борту: – До свидания, внучатки! – Братья свесились с борта, поцеловались с бабушкой. – С Богом! Садитесь, хорошенько укутайтесь одеялом, а то простудитесь, да?

– Хорошо, бабулечка! – Хором сказали мальчики. Они уселись на матрац, с головой укрылись домотканым одеялом. Владислав помог шофёру закрепить брезент, подошёл к кабине, в которой уже сидела Мария с Аллочкой на руках, поцеловал их и полез в кузов через задний борт.

Шофёр задёрнул до конца брезент, закрепил его, долго крутил заводной ручкой, пока мотор заработал. Машина тронулась с места, стала набирать скорость. Мальвина перекрестила удалявшуюся машину, смотрела им в след, пока машина не скрылась за бугром...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.